

КИФА

И САМИ,
КАК ЖИВЫЕ КАМНИ,
УСТРОЯЙТЕ ИЗ СЕБЯ
ДОМ ДУХОВНЫЙ

ИЗДАНИЕ ПРЕОБРАЖЕНСКОГО СОДРУЖЕСТВА МАЛЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ БРАТСТВ

7 (239) •
июль 2018

ВСЕМ НАМ НУЖНО БРАТЬ
НА СЕБЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ
СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

стр. 3

«ОН ОКАЗАЛСЯ БЕЗЗАЩИТЕН
СРЕДИ НАРОДА, ЧЕТВЕРТЬ
СТОЛЕТИЯ КЛЯВШЕГОСЯ ЕМУ
В ПРЕДАННОСТИ И ВЕРНОСТИ»

стр. 8

КОЛЬЦО ФРОНТОВ

стр. 23

ТЕМА

КРАСНЫЙ ТЕРРОР

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви

СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ НА САЙТЕ GAZETAKIFA.RU 12+

ФЕСТИВАЛЬ
ПРЕОБРАЖЕНСКИЕ
ВСТРЕЧИ

ЖИТЬ ВМЕСТЕ

18-19 АВГУСТА
2018

в Москве будет проходить четвёртый ежегодный фестиваль «Преображенские встречи». Организатор форума – Преображенское содружество малых православных братств. Задача фестиваля – создать площадку для открытого разговора о наиболее важных сторонах жизни церкви и общества в России.

МИТЯ АЛЕШКОВСКИЙ: «

Свято-Филаретовский институт, Фонд помощи хосписам «ВЕРА» и «Старость в радость» запускают невероятно нужную программу – подготовки специалистов, которые будут заботиться об одиноких и больных стариках. Не с медицинской точки зрения, а будут помогать им именно в тех жизненных вопросах, на которые у больных, как правило, нет ни сил, ни возможностей.

Главное, что с появлением новой профессии социального координатора у больных, слабых и одиноких стариков будет возможность поддерживать высокий уровень жизни и сохранить самостоятельность и человеческое достоинство. Это именно та программа, которая поможет нашим старикам по всей стране прожить свою жизнь с достоинством!

Прошу вас, пожалуйста, поддержите программу. Спасибо!

<https://www.facebook.com/mitya.aleshkovskiy/posts/10216708983576389>

Содержание

ИЮЛЬ 2018

~ Новость номера

Доктора наук становятся бакалаврами богословия | 2

~ Тема номера

Всем нам нужно брать на себя ответственность за преступления советской власти | 3

«Он оказался беззащитен среди народа, четверть столетия клявшегося ему в преданности и верности» | 8

~ Интервью

В опыте общины о. Георгия Кочеткова, считаю, есть много полезного | 11

~ Православие за рубежом

Здесь и мусульмане ждут Второго пришествия... | 12

~ Поместный собор

Упущенные возможности 1918 года | 14

~ Свято-Филаретовский институт

«Всё не по клеточкам расставлялось, а как бы наматывалось на валик» | 16

~ Живое предание

Братский помянник | 19

Молва о новом виде проповедничества быстро распространилась всюду | 20

~ Гражданская война

Кольцо фронтов | 23

~ Проблемы истории

Советские конституции и террор | 26

~ Письма читателей

«Вот тогда мы с ними разберёмся...» | 29

Православная община города Нагоя | 30

Издание Преображенского содружества малых православных братств

gazetakifa.ru

КИФА

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви (Свид. №081 от 3 мая 2011 г.).
Главный редактор:
А.В. Колымагина
Адрес редакции и издателя:
105062, г. Москва,
ул. Покровка, д.29
Тел./факс: +7-495-624-92-50
Электронный адрес редакции:
gazetakifa@gmail.com

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-46907 от 5 октября 2011 г. Отпечатано в типографии «Бьорк», г. Москва, ул. Складочная, дом 6, строение 3.

Тираж 1350. Цена свободная. Выпуск подписан в печать 6 июля 2018 г.
Время подписания в печать: по графику – 9.00, фактическое – 9.00.
Дата выхода в свет 16 июля 2018 г.

Подписной индекс в агентстве Роспечать – 19601

Над номером работали:
Анастасия Наконечная, Максим Дементьев, Александр Копировский, Елена Шевелева, Светлана Калинина, Татьяна Тыртыш, Мария Кайкова
Дизайн и верстка: Марина Подкопаева
Учредитель: Культурно-просветительский фонд «Преображение»
Газета издается с октября 2002 г. Все права защищены.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
Сайт газеты: gazetakifa.ru

Нашу газету можно приобрести:
в интернет-магазине **predanie.org**;
в Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ – ул. Покровка, д. 29, оф. 38);
в Санкт-Петербурге: в киоске «Предание», тел. +7-963-316-37-81
в Париже: в магазине «YMCA-Press»: 11, Rue de la Montagne-Sainte-Genieve
Телефоны распространителей
Москва:
+7-910-421-64-60 (Анна Гринман),
+7-903-100-93-73 (Денис Кудряшов)
Санкт-Петербург:
+7-963-316-39-81 (Анастасия Наконечная)

Архангельск: +7-921-073-32-76 (Надежда Макурина)
Вельск: +7-921-247-11-37 (София Кудрявцева)
Воронеж: +7-950-763-50-35 (Александр Терехов)
Екатеринбург: +7-904-388-03-91 (Татьяна Благодарова)
Рязань: +7-920-632-06-71 (Сергей Гаврилов)
Северодвинск: +7-909-551-20-11, (Татьяна Колпакова)
Тверь: +7-909-266-88-83, +7-905-551-02-70 (Олег Ермолаев)
Тула: +7-920-746-69-73 (Марина Писаревская)
Электросталь: +7-926-787-43-05 (Ольга Кузнецова)
США, Канада: +1-651-210-49-22, oleg@voskres.net (Олег Воскресенский)

На первой странице обложки: Убиение преподобномученицы Елисаветы и иже с нею (клеимо иконы Собора святых новомучеников и исповедников российских).
На четвертой странице обложки: Преображение Господне. Мозаика Александра Корноухова. Часовня Культурно-просветительского центра «Преображение».

Тема номера – красный террор. «Позвольте, – скажет кто-то, – постановление Совнаркома о красном терроре вышло в сентябре 1918 года, а сейчас июль». «А почему вы не пишете о белом терроре?» – заметит другой. Остальные устало отвернутся: сколько

можно? Давайте уже о чём-то другом.

И что тут ответишь? Что бессудные расправы творились с самого начала власти большевиков? Что в этом месяце – столетие екатеринбургского и алапавского убийств? Что если не пытаться честно понять причины Катастрофы – мы

никогда не исцелимся от загнанной внутрь и раздирающей нас гражданской войны, где виноватыми были действительно и те, и другие, но всё-таки по-разному?

Нам слишком часто кажется, что если не всматриваться в тяжёлую, жёсткую, неприятную правду, её как

Александра Колымагина

бы и не будет. Но ведь она никуда не денется... **КФ**

Н О В О С Т Ь Н О М Е Р А

Доктора наук становятся бакалаврами богословия

В СФИ состоялись защиты выпускных квалификационных работ по теологии

Государственная аттестационная комиссия обсуждает выпускные работы

На богословском факультете СФИ состоялись защиты выпускных квалификационных работ. В течение трёх дней, с 13 по 15 июня, Государственная аттестационная комиссия под руководством профессора Алексея Борисовича Мазурова, доктора исторических наук, ректора Московского государственного областного социально-гуманитарного института, рассмотрела работы 31 выпускника.

Как всегда, защиты сопровождались интересной дискуссией между авторами работ, преподавателями и рецензентами, которых по традиции СФИ привлекает для оценки бакалаврских дипломов, хотя этого и не требует образовательный стандарт.

Актуальному и трудному вопросу о противостоянии и возможном диалоге

науки и богословия была посвящена работа доктора физико-математических наук Галины Шпатаковской. Разграничив сферы компетенции и методологические подходы науки и богословия, студентка поставила вопрос о возможном основании для диалога между учёными и богословами, в том числе в вопросах происхождения Вселенной, жизни и человека. Важным для написания работы оказался опыт участия Галины Шпатаковской в диалоге учёных и богословов, проходящем в СФИ с 2013 года. «В этом году мы впервые выставили оценку “пять с плюсом” за работу, на основании которой порекомендовали подготовить учебное пособие», – так прокомментировал эту защиту председатель ГАК Алексей Борисович Мазуров.

Темы многочисленных защит были разнообразны: деятельность церковных обществ, братств и общин конца XIX – начала XX века и высших духовных учебных заведений Москвы в 1917–1922 гг., вопрос о церковной проповеди в материалах Поместного собора 1917–1918 гг., положение церкви в советском государстве по посланиям и актам патриарха Тихона, место мирян в церкви согласно современным уставным документам РПЦ. Исследовались тема ответственности церкви за мир в трудах пастора Дитриха Бонхёффера, оценка деятельности

императора Константина Великого в русской церковной исторической науке XIX–XX веков, сотериологические концепции митрополита Сергия (Страгородского) и Н.А. Бердяева в контексте критики юридической теории искупления. Ряд работ посвящён церковной и общественной деятельности преподобного Паисия Величковского, священномучеников Андроника (Никольского) и Серафима (Чичагова), священников Григория Петрова, Кирилла Зайца, архиепископа Василия (Кривошеина) и других.

«Есть очень сильные дипломы, заслуживающие дальнейшей разработки темы, – подвёл итог защит А.Б. Мазуров. – Это и исторические, и биографические, и литургические работы. Мы бы хотели, чтобы находки и достижения студентов были опубликованы, введены в научный оборот, а также развиты в будущем в магистерских исследованиях. Кто-то работал в архивах, показывал нам тележки, как в супермаркете, буквально забытые дореволюционными газетами. И для нас было очень важно, что студенты прикоснулись к первоисточникам, потому что за этим стоит стремление понять дух времени».

Подробнее о ходе бакалаврских защит, а также о прошедших 19 июня шести магистерских защитах рассказывается на сайте СФИ. **КФ**

Всем нам нужно брать на себя ответственность за преступления советской власти

Исследователи из Екатеринбурга и Санкт-Петербурга встретились на исторической беседе, посвящённой убийству царской семьи

Фото: Александр Волков, Алена Клементьева

В петербургском конференц-зале «Biblioteka» – священники Георгий Кочетков и Александр Гинкель, историки К.М. Александров, С.Л. Фирсов и А.Л. Казаков, председатель Свято-Петровского братства Ю.В. Балакшина

В Екатеринбурге, в центре «Царский» – руководитель Миссионерского отдела Екатеринбургской епархии священник Даниил Рябинин, историки С.С. Беляков и С.И. Быкова, председатель Свято-Елизаветинского братства О.О. Глаголев

4 июня в рамках «Исторических бесед» прошёл телемост, соединивший в этот вечер два города, сыгравших решающую роль в судьбе царской семьи – Санкт-Петербург, бывшую столицу Российской империи, и Екатеринбург, где обрвалась жизнь членов царской династии. Участники и гости беседы собрались в екатеринбургском Духовно-просветительском центре «Царский» (это центр, который открыт при храме на Крови, построенном на месте Дома Ипатьева) и петербургском конференц-зале «Biblioteka».

Начиная беседу, священник Даниил Рябинин рассказал, что император Николай II был на екатеринбургской земле в «доме особого назначения» 78 дней, закончившихся убийством царской семьи и всех, кто оставался с ней. И по благословению митрополита Екатеринбургского и Верхотурского Кирилла на протяжении 78 дней перед столетием трагической даты каждую ночь в храме на Крови совершается Божественная литургия.

Последовавший за этим долгий разговор можно лишь частично отразить в газетном формате. Мы предлагаем читателям несколько фрагментов беседы.

С.Л. Фирсов

Сергей Львович Фирсов, доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург): Я хотел бы остановиться на вопросах восприятия. Произошла трагедия. Как реагировала публика, газеты, читатели тех мест, где верховодили большевики, Совет народных комиссаров?

Любопытные с психологической точки зрения воспоминания оставил граф Владимир Николаевич Коковцов, который в то время находился в Петрограде: «...одни просто не поверили, другие молча плакали, большинство просто тупо молчало. Но на толпу, на то, что принято называть “народом”, – эта весть произвела впечатление, которого я не ожидал.

В день напечатания известия я был два раза на улице, ездил в трамвае и нигде не видел ни малейшего проблеска жалости или сострадания. Известие читалось громко, с усмешками, издевательствами и самыми безжалостными комментариями...

Какое-то бессмысленное очерствение, какая-то похвальба кровожадностью. Самые отвратительные выражения: “Давно бы так”, “Ну-ка – поцарствуй ещё”, “Крышка Николашке”, “Эх, брат Романов, доплясался”, – слышались кругом, от самой юной молодёжи, а старшие либо отворачи-

Фрагмент дискуссии: об отношении к екатеринбургскому убийству в разные годы – сто лет назад, в 1930-е, в наше время

вались, либо безучастно молчали. Видно было, что каждый боится не то кулачной расправы, не то застенка».

Совершенно другой человек, Марина Ивановна Цветаева, замечает: «Стоим, ждём трамвая. Дождь. И дерзкий мальчишеский петушиный выкрик:

– Расстрел Николая Романова! Расстрел Николая Романова! Николай Романов расстрелян рабочим Белобородовым!

Смотрю на людей, тоже ждущих трамвая, и тоже (то же!) слышащих. Рабочие, рваная интеллигенция, солдаты, женщины с детьми. Ничего. Хоть бы кто! Хоть бы что! Покупают газету, проглядывают мельком, снова отводят глаза – куда? Да так, в пустоту».

По сути, и Коковцов, и Цветаева, люди из совершенно разных сред, говорили об одном и том же – о равнодушии. Я думаю, это важный психологический феномен, который мы должны рассматривать в обязательном порядке. Только церковь откликнулась, патриарх Тихон сказал те слова, которые надо было сказать. Но услышало ли их большинство? Вот в чём вопрос.

Светлана Ивановна Быкова, кандидат исторических наук, доцент кафедры регионоведения Уральского Федерального университета (Екатеринбург): Если в первые годы после убийства царской семьи и императора к этому было практически равнодушное и даже, может быть, одобряющее отношение, то по следственным документам 1930-х годов мы можем видеть совершенно другую ситуацию. Людей осуждали как за антисоветскую деятельность за

С.И. Быкова

то, что они продолжали сохранять портреты и Николая II, и представителей династии Романовых как реликвии великой истории, значительного для них прошлого. Или за то, что они вспоминали хорошими словами время до революции, сравнивая то, что происходило в 1930-е годы, и то, что они видели в царской армии или на промышленных предприятиях в конце XIX – начале XX века. Один из важных моментов в этих сравнениях заключался в следующем: до 1917 года были хозяева: хозяин земли, хозяин предприятия, мастер-хозяин. А после революции и в 1930-е годы – бесхозяйственность. Отмечали и то, что «про Николая II можно было говорить всё что угодно, а сейчас, если что-то произнесёшь, сразу первый отдел¹ заинтересуется».

Что же касается уральских большевиков, которых участники нашей встречи называли уголовниками, то, наверное, мы должны видеть больше. В каком-то смысле кто-то из них воспринимал это (убийство. – Ред.) как справедливое возмездие, кто-то – как испугательную жертву. Но были и те, кто прагматически рассматривал это как превентивную меру против развёртывания более масштабной иностранной интервенции, ставившей целью сохранение или восстановление монархии.

Профессор священник Георгий Кочетков, ректор СФИ (Москва): Я не очень склонен верить тому, что люди были равнодушны к убийству царской семьи. Те важные свидетельства, которые читал Сергей Львович, могут быть немного по-разному истолкованы. То, что люди постарше «отводили глаза», говорит не о равнодушии, а совсем о других вещах. Например, о том, что они не могли выразить то, что чувствовали и хотели сказать, боясь, что их убьют или посадят. А то, что молодёжь могла шутить на эту тему и насмехаться, так надо ещё посмотреть, что это была за молодёжь...

Что касается сегодняшнего дня, я считаю, что сочувствие императору и его семье было бы большим, если бы не канонизация, которая была, на мой взгляд, неблагоприятной. Потому что канонизация требует слишком многого, она требует примера всей жизнью. В этом смысл церковной канонизации. А этого примера, насколько мы знаем, император Николай II не давал. Он много хорошего сделал для России, этого нельзя не признавать, об этом тоже нужно говорить – что он не был злодеем, не был «Николаем Кровавым». Я до сих пор слышу иногда, как люди повторяют эти когда-то заученные в советских школах или институтах слова. И надо напоминать, что при нём в России было сделано очень много хорошего. Но нельзя, конечно, скрыть и другой, негативной стороны его деятельности.

Император Николай II со своими детьми в ссылке в Тобольске (сентябрь 1917 - апрель 1918 г.)

Александр Буров (Санкт-Петербург, ГМИР): Я не могу не вспомнить, что уже у декабриста Павла Пестеля в его «Русской правде» было положение о полном уничтожении царской семьи. То есть люди к этому готовились духовно, ментально очень давно. Это были программные требования, которые повторялись потом много раз на разные лады: «Уничтожить всю большую ектенью»².

Мы знаем, как те же декабристы вели себя тогда, когда они потерпели поражение и спор перешёл из сферы идей совсем в другую сферу. Как вспоминал Николай I, показания пленных были слишком обширны. Кто-то падал на колени, кто-то целовал сапоги императору. Через сто с лишним лет так же вели себя перед лицом репрессий пламенные революционеры, «ленинская гвардия»: мы знаем, как они ползали на брюхе перед своими палачами, как умо-

ляли о прощении.

А русская история – она жестокая и ироничная. Когда на месте всех этих людей оказался Николай II, он сохранил своё достоинство перед лицом смерти, перед лицом людей, которые его ненавидели. Более того, в дневниках его мы не находим проклятий убийцам, стране, которая с ним так жестоко поступила. Он не был застрелен при попытке к бегству в спину. Он встретил эту смерть достойно, стоя к ней лицом.

В одном из последних писем его дочери, Великой княжны Ольги Николаевны, говорится: «Отец просит передать всем тем, кто ему остался предан, и тем, на кого они могут иметь влияние, чтобы они не мстили за него, так как он всех простил и за всех молится, и чтобы не мстили за себя и чтобы помнили, что то зло, которое сейчас в мире, будет ещё сильнее. Потому что не зло победит зло, а только любовь».

¹ Так в советское время назывался существовавший практически на каждом предприятии отдел, в котором работали сотрудники ГПУ–НКВД–КГБ.

² Слова одной из прокламаций С.Г. Нечаева (1847–1882, прототип Петра Верховенского из «Бесов»), отвечавшие на вопрос, кого следует уничтожить из членов царской семьи. По воспоминаниям Бонч-Бруевича, Ленин восхищался этой формулировкой: «Ведь

это сформулировано так просто и ясно, что понятно для каждого человека, жившего в то время, когда огромное большинство бывало в церкви и все знали, что на великой, на большой ектении вспоминается весь царствующий дом, все члены дома Романовых. Кого же уничтожить из них? – спросит себя самый простой читатель. – Да весь дом Романовых, – должен бы был он дать себе ответ. Ведь это просто до гениальности!»

Из выступления Кирилла Михайловича Александрова
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Страшная участь, которая постигла царскую семью и последнего российского государя Николая II, ещё в русской эмиграции стала такой страшной травмой для русских людей, включая тех, кто не сочувствовал в 1917 году Царской семье или приветствовал Февраль, что это впечатление закрыло весь мир – и ретроспективу. И в 1999-е годы нам это состояние естественным образом передалось, когда в России стали появляться иконы Царской семьи и возникло её почитание ещё до канонизации Московской Патриархией. Я сам в 1995-м году из Джорданвилля привёз икону святого Царя-Мученика Николая Александровича.

В известной степени искренние эмоции лишали нас какого-то трезвого исторического подхода. А он, как мне кажется, начинается с вопроса: «Почему это всё – крушение России, цареубийство, большевизм – стало в принципе возможным?» Полагаю, что одна из самых серьёзных причин катастрофического убийства, про-

изошедшего 100 лет назад в доме Ипатьева, заключается в главной политической ошибке, которую совершил император Николай II. 2 марта 1917 года при подписании акта об отречении, который иногда называют манифестом, он незаконно, по частным причинам лишил русского престола своего сына цесаревича Алексея Николаевича, присягой которому была связана одиннадцатимиллионная Русская Императорская армия. При вступлении в службу любой чин приносил присягу не только действующему монарху, но и наследнику престола. Тем самым разрушались юридические и моральные основания для существования старого режима: миллионы людей лишились связывавших их обязательств. Мне кажется, это главная проблема, а всё остальное – лишь последствия решения императора, принятого ранним вечером 2 марта 1917 года в Пскове.

К сожалению, очень многие важнейшие решения в своей жизни Николай Александрович

К.М. Александров

принимал по личным мотивам. Оба раза его поспешные отъезды из могилёвской Ставки – 18 декабря 1916 года, в связи с убийством Григория Распутина в момент важнейшего совещания представителей высшего командования, и 28 февраля 1917 года, в разгар солдатского бунта в Петрограде, – принимались государем по частным причинам, хотя царь был Верховным Главнокомандующим и не мог оставлять Действующую армию. И его решения, увы, приобрели самые серьёзные морально-нравственные и военно-политические последствия.

Из слова ректора Свято-Филаретовского института
профессора священника Георгия Кочеткова

Убийство царской семьи отвратительно и ужасно, это преступление мерзко для верующих и неверующих, для всех людей, у которых есть совесть. Можно быть за монархический строй или против – для того и другого есть много оснований и в прошлом, и в настоящем времени, – но мы сейчас говорим о том, что Россия потеряла. Она потеряла очень многое. Ведь основой основ того, что люди могли извращённо воспринимать исторические события, свидетелями которых они оказались, было отсутствие веры. Как может исчезнуть совесть, если есть вера? Это невозможно. Это не значит, что все неверующие – бессовестные люди. Но если веры нет, то, как бездна, открывается такая возможность – возможность той России, о которой мы говорим сегодня: России без царя, без веры и без Отечества.

Мне представляется, что в этом разговоре мы часто уходим в частности. Где принималось решение об убийстве – в Москве или на Урале – конечно, важно с исторической точки зрения, но с духовной, честно говоря, не очень. Ясно, что Ленин и Свердлов были преступниками, и они, конечно, с радостью восприняли известие об убийстве царской семьи, давали они напрямую приказ об этом или не давали. В любом случае все знали, как относятся Ленин и большевики к царю и царской власти: это была не просто другая позиция, другая точка зрения, это была ненависть. Это очень важно. Законы ненависти известны людям, все знают, как они работают. А большевики с самого начала и до самого конца ненавидели царя и Российское государство, ненавидели церковь и русский народ – может быть, и другие на-

Часто мы слишком стесняемся, слишком боимся и себя, и друг друга. Мы не можем произнести твёрдого, определённого слова... Поэтому я совсем не уверен, что это столетие будет адекватно отмечаться в нашей стране. А ведь оно может стать реальной точкой отсчёта для того, чтобы снять груз ответственности, лежащей на нашей истории, и значит, на всех нас.

роды, но русский в первую очередь. И соответствующим образом себя вели. Они старались задавить всякую русскость, всякую веру, в первую очередь православную. И эта ненависть к стране, народу и церкви – слишком серьёзная вещь, которую нельзя «вынести за скобки».

Убийство царя и всех, кто был с ним, – плод этой преступной, античеловечной ненависти. Откуда она взялась, вопрос другой; она появилась, конечно, не в 1917 году. Всем понятно и то, что было множество разнообразных влияний на происходившие тогда события, в том числе с окраин и из-за границы России. У людей, пропитанных ненавистью, могут быть субъективно любые мотивы, и это не так существенно. В них нет ничего мистического (поэтому вряд ли имеет смысл говорить о «ритуальном убийстве», это уже какое-то снижение тона), нет ничего сакрального, кроме самой ненависти. Она – страшный мистический акт, страшный дух. И то, что произошло, – это именно духовное явление, не экономическое и не просто политическое.

Я думаю, что мы должны ставить вопрос именно так и спросить себя, кто берёт на себя ответственность за это и какие процессы в людях привели к такой нелюбви к своей собственной власти, к церкви Божьей и к самим себе как к народу (пусть среди исполнителей было много этнически не русских людей – большевики знали, кого выбирать для своих «замечательных» дел – но многие русские люди не сопротивлялись преступлениям большевиков, начавшимся не с убийства в Ипатьевском доме, а значительно раньше, с первого дня захвата ими власти).

Нам нужно брать ответственность за такие преступления, и в каком-то смысле это повод для покаяния всего народа. Конечно, народ разнороден. Если уж даже большевики, как сегодня было сказано, были разнородны, то что говорить про русский народ и про всё население Российской империи. И тем не менее я считаю, что весь большевистский период – это повод для покаяния всех людей, живущих в нашей стране, и покаяния очень глубокого. Совсем необязательно самому участвовать в преступлениях, чтобы каяться за свой народ. Библия показывает

Священник Георгий Кочетков

множество примеров умения чувствовать ответственность не только за себя, но и за своего ближнего, если он пал.

Так что нужно брать ответственность за это преступление всем нам. Даже тем, кто с советской властью не имел ничего общего, даже тем, кто сам пострадал от неё. И может быть, именно столетие убийства царя и его семьи могло бы стать неким толчком для того, чтобы совесть каждого из нас наконец-то пробудилась, чтобы мы поняли, что ходим по кладбищу и все к этому как-то причастны – даже те, кто страдал от этой страшной красной чумы и ничего общего с ней никогда не хотел иметь и не имел.

Меня поражает то, что многими это почти не воспринимается. Где наше христианство? Где наша тысячелетняя история? Где наша духовность? Кто мы в этой стране, если мы не можем протянуть друг другу руки и придумываем один, другой, третий, пятый миф для самооправдания?

Я очень сочувствую тем ужасным страданиям, которые испытывала царская семья весь 1917 год и особенно в этот самый последний страшный год и день их жизни. И считаю, что нужно обращаться ко всем людям – монархически и антимонархически настроенным, церковным и нецерковным. У каждого человека есть совесть. Давайте сделаем эту дату, этот трагический юбилей нашей истории поводом для того, чтобы прийти в себя и не повторять тех ошибок и грехов, которые сделали возможными эти преступления. Часто мы слишком стесняемся, слишком боимся и себя, и друг друга. Мы не можем произнести твёрдого, определённого слова, сделать выбор, сказать, с кем мы. Мы ждём, когда кто-то это сделает за нас. Поэтому я совсем не уверен, что это столетие будет адекватно отмечаться в нашей стране. А ведь оно может стать реальной точкой отсчёта для того, чтобы снять груз ответственности, лежащей на нашей истории, и значит, на всех нас. **КС**

«Он оказался беззащитен среди народа, четверть столетия клявшегося ему в преданности и верности»

Из дневников современников событий июля 1918 года, большинству из которых была доступна только информация о расстреле императора Николая II (в сообщениях большевистских газет говорилось, что семья «отправлена в надёжное место»; судьба алапаевских мучеников была практически никому не известна)

Владимир Короленко
(64 года, писатель)

9 июля (26 июня). Террор опять носится в воздухе. Сегодня в газете «Наша Жизнь» сообщают сразу о террористических актах на двух полюсах русской жизни.

«(От нашего корреспондента). Харьков, 25 июня. Из Москвы сообщают, что Николай II убит в поезде»¹.

Эта мерзость есть вместе и огромная глупость: из слабого, безвольного, неумного человека, погубившего Романовых, делают трогательную фигуру мученика. Это очень на руку русской реставрации. Даже приверженцы монархии не стояли за Николая. Он, в сущности, был помехой для российского «роялизма». Его всё-таки пришлось бы устранить. Это сделали какие-то глупые злодеи.

Второе известие: «Убийство Володарского. (От нашего корреспондента) Харьков, 25 июня. В Петрограде из-за угла убит председатель Совета Рабочих Депутатов Володарский».

Ольга Шереметева
(33 года, переводчица)

12 июля (29 июня), пятница. Пришёл Саша Эйлер, его недавно выпустили большевики из тюрьмы. Говорил, что, по слухам, Николай II в Могилёве, что немцы предлагали его опять возвести на престол, но он отказался... Вообще всё слухи и слухи, газет нет, и выйдут они не раньше будущей недели.

Николай Виноградов
(33 года, архитектор, реставратор)

12 июля (29 июня). В отношении памятников пришлось в первом часу звонить Ленину, а в три делать ему доклад. Он весьма заинтересован в быстром их уничтожении.

Между прочим, я предложил ему на место фигуры А[лександра] III поставить памятник революции; памятник Александру II сровнять с землёй, как и Серг[ея] Александровича; на обелиске срубить имена царей

и на их месте сделать... имена революционеров и т. д.

Наталья Миротворская
(20 лет, слушательница Голицынских высших женских сельскохозяйственных курсов)

13 июля (30 июня). Москва. Что творится в Ярославле?.. Если подумать посерьёзней и подольше, то волосы шевелятся на голове: город горит со всех концов, жители расстреливаются тысячами как контрреволюционеры, а ведь это более сознательный элемент, на который вся надежда в будущем.

А за что убили бывшего императора Николая? Ведь они измучили его своими бдительными караулами и всевозможными репрессиями. Мне жаль его не как царя, а как человека. Каждый человек должен рассчитывать на гуманное, человеческое к себе отношение. Мир душе твоей, несчастный император!

Владимир Короленко

17 (4) июля. Известие об убийстве царя опровергается. Известие о Володарском оказалось верно. О Володарском говорят, что он был нехороший человек и демагог в худшем значении слова... Но если это действительно террор, то лекарства не лучше болезни...

¹ Напоминаем, что убийство царской семьи произошло в ночь на 17(4) июля 1918 года, однако, как видно из дневниковых записей

разных людей, этому событию предшествовал очень устойчивый слух о том, что оно уже совершилось.

Никита Окунев (54 года)
19 июля (6 июля). Сообще-
но сегодня о том, что болезненно
ожидалось целый год, – Импера-
тора Николая Второго расстре-
ляли...

Вчера состоялось заседание
Президиума ЦИК 5-го созыва,
под председательством Сверд-
лова и в присутствии Аванесова,
Сосновского, Теодоровича, Вла-
димирского, Максимова, Смидо-
вича, Розенгольца, Митрофанова
и Розина, и на этом заседании
оглашено, что в последние дни
Екатеринбургу серьёзно угрожа-
ли чехословаки, и ввиду этого
Президиум Уральского областно-
го совета постановил расстрелять
Николая Романова, что и было
приведено в исполнение 16-го
июля. «Жена и сын Николая
Романова отправлены в надёж-
ное место». И президиум ЦИК,
обсудив это известие, постано-
вил: «Всероссийский ЦИК, в лице
своего президиума, признаёт
решение Уральского Областного
совета правильным».

Для того, должно быть, чтобы
для «несознательных», т. е. не по-
терявших ещё страха пред Богом
и стыда пред добрыми людьми,
эта горестная пилуля казалась
сладенькой, – Свердлов обе-
щал опубликовать в ближайшее
время собственноручные дневни-
ки Николая Второго, его жены и
детей, а также письма Распутина
к Романовым. Бьют на людскую
жажду ко всему пикантному.

В «Правде» по поводу траги-
ческого конца Николая Второго,
конечно, передовица, повто-
рившая давно известную и всем
надоевшую легенду о «кроваво-
сти» расстрелянного Импера-
тора. Статья заканчивается так:
«С двух сторон он был связан с
империализмом разбойничьих
государств Европы. Там будут
плакать о нём. У русских рабо-

чих и крестьян возникнет только
одно желание: вбить хороший
осиновый кол в эту, проклятую
людьми, могилу». Так напутству-
ют молодые правители в «горния
селения» своего старого пред-
местника. Но смотрите, това-
рищи! Как бы вместо осинового
кола эта историческая могила не
вырастила пару хороших столбов
с перекладиной. И Толстой верил
в Бога не больше Свердлова, но
почему-то начал «Анну Карени-
ну» евангельским текстом: «Мне
отмение, и Аз воздам».

А по моему простодушному
мнению, на могиле Царя му-
ченика не осина будет расти, а
прекрасные цветы. И насадят их
не руки человеческие, а совесть
народная, которая выявит себя,
если не в ближайшем будущем,
то по прошествии времени, когда
пройдёт этот чад, угар, когда
забрыцают лиры и заговорят по-
эты. Родится и вырастет другой
Пушкин, «прольёт слезу над
ранней урной» и возведёт печаль-
ный образ несчастного Царя на
благородную высоту, на которую
он взлетел, собственно, свергаясь
с царственной высоты в тундры
сибирские. Вечная ему память
и милость Божия на Суде Его
Великом!

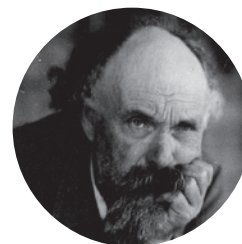
Покойный Император был
моим ровесником. Мне почему-то
никогда не верилось, и сейчас не
верится, что он был таким, каким
его безапелляционно считали не
только социалисты, но и мо-
нархисты. Мне думается, что я
не ошибаюсь, применяя к нему
шекспировские слова: «В жизни
высшее он званье человека – за-
служил». В его предках было
больше «царя», чем человека, а
в нём больше «человека», чем
царя. Вечная ему память! И ни-
кто не помешает мне молиться за
упокой его души, и я должен это
делать, потому что только в его

царствование я и пожил. Было
всё: и бедствия, и неприятности,
и утери, и разочарования, но не
такие, какие предстоит пережить,
включительно с предсмертными
обстоятельствами; были и радо-
сти, и удачи, и приобретения, и
очарования такие, каких уже ни-
когда и нипочём впредь не будет.

Прости-прощай, самые
лучшие два десятка моей полу-
вековой жизни! Иду остальным
путём уже ковыляя и нисколько
не надеясь на лучшие времена.
Вечная память моему невозврат-
ному детству, юности, молодости
и мужеству, а рабу Божиему,
новопреставленному Николаю:
Царство Небесное! †

Немцы опять повели сильное
наступление на французский
фронт.

Финляндский Сейм выска-
зался большинством голосов за
монархический строй для своей
страны.

**Михаил Пришвин (45 лет,
писатель)**

20 (7) июля.

Забытый царь.

Вчера напечатано, что царь
расстрелян «по постановле-
нию» (областного Совета) и что
центральный Совет находит
действия областного Совета
правильными. В «Бедности» же
напечатано, что Николай Крова-
вый, «душитель» и т. д., «пребла-
гополучно скончался».

Столинский с Марией Ми-
хайловной купил на Никитском
бульваре «Правду» и, прочитав о
расстреле царя, обменялись мне-

От имени всего народа совершено преступление, бессмысленное, объяснимое только разве трусостью и местью... Миллионы совестливых людей уехали бы куда глаза глядят, лишь бы не участвовать в преступной оргии, которая, кажется, всё разгорается кругом. «Беднота» – есть такая газетка-поджигатель – кричит: «Да здравствует кровавый террор!»

ниями. Столинский сказал:

– Это нехорошо, потому что даёт лишний повод к реставрации.

Более точная в суждении Мария Михайловна заметила:

– Это значит, что чехословаки близко от Екатеринбурга.

Михаил Меньшиков
(58 лет, публицист и общественный деятель, один из идеологов русского националистического движения. Расстрелян ВЧК в сентябре 1918 года)

20 (7) июля. «Николай II расстрелян». Сразу пришло официальное известие. Тяжёлая тоска на сердце. Зачем эта кровь? Кому она нужна? Почему же отрекшегося от престола Альфонса Португалия выпустила за границу? Почему даже Персия предоставила свергнутому шаху уехать, а у нас непременно лишили свободы и, наконец, жизни монарха, которому когда-то присягали? И так недавно! Без суда, без следствия, по приговору какой-то кучки людей, которых никто не знает... При жизни Николая II я не чувствовал к нему никакого уважения и нередко ощущал жгучую ненависть за его непостижимо глупые, вытекавшие из упрямства и мелкого самодурства

решения. Иначе как ненавистью я не могу назвать чувство, вспыхнувшее во мне после японского и затем немецкого поражения, когда выяснилось, что весь позор этот – следствие неготовности нашей и отвратительного подбора генералов и министров. Это я ставил в вину царю как хозяину. Ничтожный был человек в смысле хозяина. Но всё-таки жаль несчастного, глубоко несчастного человека: более трагической фигуры «Человека не на месте» я не знаю. Он был плох, но посмотрите, какой человеческой дрянью его окружил родной народ! От Победоносцева до Гришки Распутина все были внушители безумных, пустых идей. Все царю завязывали глаза, каждый своим платком, и не мудрено, что на виду живой действительности он дошёл до края пропасти и рухнул в неё...

21 (8) июля. Тяжёлый камень на сердце. От имени всего народа совершено преступление, бессмысленное, объяснимое только разве трусостью и местью. Убили человека теперь уже совершенно безвредного, да и прежде по всемирному праву – безответственного, никому неподсудного. Убили только потому, что он оказался беззащитен среди народа, четверть столетия клявшегося ему в преданности и верности. Вот дьявольский ответ на все эти несметные ектении и гимны! То была великая мечтательная ложь, это подлая реальная правда. Яша говорит, что Лидия Ивановна собиралась

уехать за границу, если его убьют. Миллионы совестливых людей уехали бы куда глаза глядят, лишь бы не участвовать в преступной оргии, которая, кажется, всё разгорается кругом. «Беднота» – есть такая газетка-поджигатель – кричит: «Да здравствует кровавый террор!»

Юрий Готье (35 лет, историк)

6 августа (24 июля).

Я не отметил здесь смерти Николая II, но это потому, что только вчера, прочитав «Наш век» от 20 июля, я получил возможность осознать это сообщение. Николай II имел судьбу Людовика XVI и Карла I, но в модернизированном и перелицованном ala russe (на русский манер (фр.)) виде, без лицемерной торжественности английской революции и без разнузданной, но всё-таки торжественной, французской; Николая без суда, это для русских особенно характерно, убили вдали от столиц, спеша, зря, боясь собственной тени. Сам он всё сделал для того, чтобы это случилось; но его исчезновение есть развязка одного из бесчисленных второстепенных узлов нашей смуты, а монархический принцип от этого только выиграет. КФ

В опыте общины о. Георгия Кочеткова, считаю, есть много полезного

Интервью с епископом Зарайским Константином, викарием Московской епархии, ректором Коломенской духовной семинарии

*Беседовали Александра Колымагина, Анастасия Наконечная.
Фото Анастасии Наконечной*

В связи со столетием призыва патриарха Тихона к возрождению духовных союзов во многих епархиях проходили встречи и конференции. А в Подмоскovie как обстоит дело с рождением братств?

Вопрос немного неожиданный. Ваше братство находится как бы «внутри» этой темы. Мне кажется: там, где создаётся братство, как форма церковной жизни, – это хорошо. Но есть и иные формы, и я не являюсь сторонником пропагандирования только какой-то одной из них. Я отношусь с уважением к деятельности вашей общины. С другой стороны, церковная жизнь может быть устроена так, а может и иначе.

Святейший Патриарх в своём слове на открытии Рождественских чтений говорил о важности длительной катехизации, чтобы это были не две встречи, а постоянная работа на приходе. Как Вы думаете, что здесь возможно сделать?

Вопрос катехизации – это большая и трудная тема. Вы знаете, мы начинали с нуля, в советское время не было практически ничего, потому что религиозное просвещение было запрещено. Потом были отдельные опыты, частные, локальные, но общецерковных не было. Сейчас, слава Богу, особенно при Святейшем Патриархе Кирилле, это делается системно. Но на большинстве приходов это пока всё-таки первые шаги: в масштабах всей церкви пока в основном только две-три беседы

В галерее храма Христа Спасителя в дни Рождественских чтений

перед крещением. И этот опыт надо ценить: слава Богу, что переломлена ситуация, ещё недавно и это было невозможно.

С другой стороны, я принципиально не согласен с тем, чтобы опыт длительной катехизации у о. Георгия Кочеткова противопоставлялся иному опыту. Это приводит к тому, что люди, которые интересуются деятельностью Преображенского братства, справедливо насторожены. В опыте общины о. Георгия Кочеткова, считаю, есть много полезного, что можно было бы транслировать. Но это должно происходить с благословения Священноначалия, очень творчески и без давления. **КФ**

Здесь и мусульмане ждут Второго пришествия...

Интервью с игуменом Арсением (Соколовым),
представителем Патриарха Московского и всея Руси
при Патриархе Антиохии и всего Востока

Беседовала Анастасия Наконечная.

*Фото с сайта Представительства Русской Православной Церкви при Антиохийской Православной Церкви,
wallpapercave.com, Russia-Now.com*

Отец Арсений, остались ли на Ближнем Востоке следы связи с русской православной традицией? Ведь там были когда-то русские школы?

Это было во времена Российской империи, когда Императорское православное палестинское общество открыло очень много школ в тех краях, которые сейчас являются землями государств Израиль, Ливан, Сирия... Сейчас – не те времена. Тогда была великая империя, поддерживавшая всё это. А сейчас ИППО дай Бог смогло бы открыть на Ближнем Востоке одну-две школы.

Но какие-то библейские курсы на русском языке там всё-таки действуют?

Да, они действуют на нашем приходе. Так уж вышло, что где бы я ни служил, я начинаю вести библейский кружок: в Лиссабоне, в Мадриде, потом четыре года в Бейруте, а сейчас в Дамаске. Там не так много прихожан – те, кто мог, эвакуировались; но человек десять собираются по субботам после заупокойного богослужения, и мы проводим библейские занятия. Просто читаем Писание и с молитвой в простоте беседуем на тему прочитанного. В Бейруте мы два года не торопясь никуда читали Евангелие от Матфея, а следующие два года – Евангелие от Луки. Читаем отрывочек и разбираем его. А в Дамаске мы начали читать книгу Бытия. Первую главу читаем, Шестоднев. Очень важная тема.

А в Антиохийской церкви есть ли объединения, братства, общины?

Да, в Антиохийском патриархате церковная жизнь очень интенсивная. Там есть и молодёжное движение, и разные другие объединения, скауты например. В Дамаске в этом году впервые после многих лет с начала войны проходило торжественное шествие на Неделю Пальм (мы в России называем этот день Вербным воскресеньем). Во главе с патриархом после праздничной литургии все прошли по улицам старого города. Несколько десятков скаутов несли знамёна, били в барабаны, играли в духовые орудия. И шествие шло с пальмовыми ветвями. На Ближнем Востоке всегда очень торжественно празднуется Вход Господень в Иерусалим. Это как бы репетиция встречи Христа во Втором пришествии. Духовенство, народ, скауты с пальмовыми ветвями в руках, с барабанным боем, духовыми орудиями готовы встретить Христа возвращающегося.

Интересно, что у мусульман там расположена одна из самых древних мечетей в мире – мечеть Омейядов, и в ней башня, на которой, по убеждениям дамасских мусульман, должно свершиться Второе пришествие Христа. И каждый день наверху этой башни они в ожидании этого события постилают новый коврик – не постиранный, а совершенно новый.

Мечеть Омейядов в Дамаске

Игумен Арсений (Соколов)

Праздник Входа Господня в Иерусалим в Дамаске

Есть ли религиозный контекст противостояния в нынешней войне?

Мне кажется, во всём, что бы ни происходило на Ближнем Востоке, религиозная составляющая стоит на первом месте. И только на втором – политическая, экономическая, культурная. Ближний Восток – это место, где мира никогда не будет. Там всегда происходят столкновения на

религиозной почве. Потому что там центр религии как таковой. Там пророки, там Христос, там возникли все авраамические религии. Поэтому напряжение, противостояние будет там всегда. То более спокойно, то менее, но, мне кажется, до скончания века все, как и сейчас, будут говорить «салам», «шалом»¹ – а мира нет и никогда не будет. **КФ**

¹ Мир (арабск., др.-евр.)

Упущенные возможности 1918 года

В Санкт-Петербурге прошла VI международная научно-практическая конференция «Религия и власть: Поместный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг.»

Текст: Александр Буров. Фото: Павел Тугаринов

В Санкт-Петербурге 13–14 июня Государственный музей истории религии и Свято-Филаретовский православно-христианский институт при поддержке Ассоциации «Российское историческое общество», Ассоциации исследователей советского общества и новейшей истории России и Санкт-Петербургского отделения Российского общества интеллектуальной истории провели международную научно-практическую конференцию «Религия и власть: Поместный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг.».

Кульминацией работы форума, предвещающего 100-летие завершения работы Поместного собора Православной Российской Церкви, стал круглый стол «Поместный Собор 1917–1918 гг.: упущенные возможности», в котором приняли участие профессор протоиерей Георгий Митрофанов, кандидат исторических наук священник Илья Соловьёв, заведующий кафедрой церковно-исторических дисциплин СФИ кандидат исторических наук Константин Петрович Обозный и доцент РГПУ им. А.И. Герцена, кандидат исторических наук Дмитрий Александрович Голо-

вушкин. Вели круглый стол автор этого репортажа, старший научный сотрудник ГМИР Александр Анатольевич Буров, и учёный секретарь СФИ, доктор филологических наук Юлия Валентиновна Балакшина. В своём выступлении о. Георгий Митрофанов подчеркнул решающую роль Временного правительства, благодаря которому оказался возможен созыв Собора. Отец Илья Соловьёв, упоминая популярный в дни работы Собора лозунг «свободная церковь – в свободном государстве», в качестве причины неудачи работы Собора назвал отсутствие в России свободного государства до и после его работы. По мнению Дмитрия Александровича Головушкина, собор не смог преодолеть раскол, существовавший в российском обществе в начале XX века. А Константин Петрович Обозный напомнил о гонениях на верующих, которые имели место в России задолго до 1917 года.

Основная дискуссия разгорелась между о. Георгием Митрофановым и о. Ильёй Соловьёвым. Она была очень эмоциональна. Отец протоиерей назвал собор собранием лучших интеллектуальных и духовных сил Российской церкви. За что тут же полу-

чил от оппонента характеристику «романтик». Правда, о. Георгий не остался в долгу и аттестовал о. Илью «социалистическим реалистом». Московский клирик подверг Собор нелицеприятной критике за необоснованные надежды на возрождение патриаршества (патриарх сумеет предотвратить назревающие расколы, заставит считаться с собой светские власти, не будет способствовать произволу епископов и т. п.), абсолютно не оправдавшиеся впоследствии. По мнению о. Ильи, Собор не выработал реальной системы управления церковью в условиях гонений. На что о. Георгий резонно возразил, что гонений такого масштаба и жестокости не мог представить тогда никто из нормальных людей. Не обошлось без сенсаций. В ходе обсуждения был обнародован малоизвестный факт работы Собора. Оказывается, за немедленное восстановление патриаршества проголосовало абсолютное меньшинство участников собора. Вот что сказал по этому поводу о. Илья Соловьёв: «На историческом заседании Собора 30 октября 1917 года в день голосования по вопросу об избрании патриарха согласно архивному экземпляру протокола Деяний

Участники круглого стола «Поместный Собор 1917–1918 гг.: упущенные возможности»: заведующий кафедрой церковно-исторических дисциплин СФИ кандидат исторических наук Константин Петрович Обозный, кандидат исторических наук священник Илья Соловьёв, профессор протоиерей Георгий Митрофанов, учёный секретарь СФИ, доктор филологических наук Юлия Валентиновна Балакшина, кандидат исторических наук Дмитрий Александрович Головушкин

присутствовало 220 членов. Позднее чья-то рука увеличила число присутствовавших до 315, а в официальном издании число участников заседания доведено до 317, хотя председательствующий на заседании митрополит Тихон (Беллавин) публично обозначил число присутствовавших той же цифрой – 220. Точнее определить число лиц, участвовавших в работе пленарного заседания 30 октября, позволяют результаты голосования по вопросу о необходимости избрания патриарха. За это предложение был подан 141 голос, против – 112, и 12 соборян воздержалось. Таким образом, в голосовании приняло участие 265 соборян из 564 числившихся по спискам членов Собора, т. е. чуть менее 50% от общего числа членов Собора. Очевидно, что за немедленные выборы патриарха проголосовало только 25% от общего числа членов Собора. Этот историче-

ский факт заслуживает особого упоминания при характеристике как самого Собора, так и тех настроений, которые царили в соборной палате в тревожные дни октября–ноября 1917 года».

В работе конференции приняли участие 20 исследователей из 8 городов России, ближнего и дальнего зарубежья – сотрудники высших учебных (9 человек) заведений, музеев (6 человек), научно-исследовательских учреждений (3 человека), архивов (1 человек), 2 независимых исследователя и трое священнослужителей. Среди них три профессора, пять докторов и десять кандидатов наук, пять доцентов, два главных и два старших научных сотрудника.

География участников форума охватывала пространство от Петербурга на севере до Калуги на юге, от Варшавы (Польша) на западе до Кембриджа (Массачусетс, США) на востоке. На конфе-

ренции выступали представители Государственного музея истории религии, Государственного музея истории Санкт-Петербурга, Центрального государственного архива Санкт-Петербурга. На конференции преобладали представители государственных учебных заведений (Санкт-Петербургского университета, РГПУ им. А.И. Герцена, СПбПУ им. Петра Великого, Гарвардского университета), но были представлены и конфессиональные вузы – СПбДА, СФИ и Христианская богословская академия в Варшаве.

Дискуссия носила междисциплинарный характер – вместе с историками и религиоведами в ней приняли участие филологи, искусствоведы и теологи. В ходе работы был освещён широкий круг тем, связанных с подготовкой и проведением Собора, ситуацией вокруг него и результатами его работы. **КФ**

«Всё не по клеточкам расставлялось, а как бы наматывалось на валик»

«Кифа» начинает серию материалов, посвящённых тридцатилетию СФИ. В каждом из номеров преподаватель и студент будут рассказывать про очередные 5 лет жизни института. Сегодня речь о пятилетии 1988–1993 гг.

Беседовали Александра Колымагина, Анастасия Наконечная. Фото: Анатолий Мозгов († 2008)

Интервью с ректором и первым преподавателем СФИ священником Георгием Кочетковым

Отец Георгий, в первые годы существования СФИ Вы были не только его создателем, но и единственным преподавателем?

Да, сначала так и было. К тому времени у меня уже было светское гуманитарное образование – я окончил Московский институт народного хозяйства, а потом аспирантуру Института экономики Академии наук, – а также был практически завершён полный курс духовной академии¹. И мне хотелось взять всё самое лучшее в светской и в церковной системе образования и, приведя это в режим свободного действия, сделать так, чтобы церковная традиция могла адекватно себя сохранять и передаваться в современных условиях. Под это я и планировал многоступенчатую систему образования. Окончательно её идея была мною сформулирована к 1986 году, что получило своё отражение в моей диссертации, защищённой позже, в 1993 году по благословению Святейшего патриарха Алексия II в Свято-Сергиевском институте в Париже.

Я понимал, что нужна не только катехизация, представляющая собой не «занятия» и «лекции», но

вещь экзистенциальную, духовную; нужна и целая система образования, потому что мы живём в мире, где должно быть образование всех ступеней, доступных людям, в нормальном случае уже имеющим какое-то высшее образование.

А какой была форма этого образования в первые годы?

Так как сначала это было неофициально, подпольно, институт мог существовать только в квартирах. Тут нужна была лишь библиотека, хороший список литературы, прочтя которую люди должны были научиться ориентироваться в каждом из направлений церковного предания и писания. И нужны были люди, которые могли бы помогать усваивать этот материал и отслеживать результат. Вот и всё.

Мы начали эту работу весной 1988 года, летом уже были первые зачёты. Это был ещё первый уровень, то есть люди читали какую-то общую литературу: о православии в целом, о вере в целом, о культуре, истории, традиции. Потом мы пошли дальше. Естественно, все эти уровни были закре-

¹ В 1983 году дьякон Георгий Кочетков, студент Ленинградской духовной академии, патриарший стипендиат и иподьякон ректора академии архиепископа Выборгского Кирилла (Гундяева) был за миссионерскую и катехизическую деятельность по инициативе ленинградского уполномоченного Совета по

делам религий отчислен с последнего курса. Впоследствии, уже будучи священником, в 1990 году окончил Московскую духовную академию. В 1993 году защитил магистерскую (кандидатскую) диссертацию на тему «Таинственное введение в православную катехетику».

Афанасьевские чтения. В президиуме о. Георгий Кочетков и А.М. Копировский. Владимирский собор Сретенского монастыря, 1993 г.

Из истории СФИ

- 1988 год: осуществлён первый набор двенадцати студентов на I курс Высшей христианской школы (в будущем Свято-Филаретовского института)
- 1990 год: Высшая школа вошла в состав Российского открытого университета в качестве богословского факультета
- 1992 год: Высшая школа вышла из состава Российского открытого университета и была зарегистрирована в Министерстве юстиции РФ как самостоятельное учебное заведение – Московская высшая православно-христианская школа (МВПХШ). В июле того же года она получила на свои труды благословение Святейшего патриарха Московского и всея Руси Алексия II
- 1993 год: проведена масштабная международная конференция с широким участием представителей русской эмиграции – Афанасьевские чтения

плены программой. И достаточно быстро к нам стали примыкать преподаватели, то есть те люди, которые могли наиболее компетентно всё это оценивать.

К сентябрю 1990 года в положении Института произошёл перелом: он прошёл регистрацию и получил официальный статус в качестве факультета Российского открытого университета. Вот такой была наша первоначальная история.

Возможно ли было при такой системе получить качественное образование? Сегодняшние студенты СФИ, каждый день посещающие занятия, сдающие множество экзаменов и письменных работ, наверное, скажут: «Читать книги

и приходить на собеседования? Да разве это учёба?»

Люди же всегда были разные. Были те, о ком до сих пор трудно сказать, получали они вообще это образование или не получали. А есть ведь совершенно другие. Всегда есть разные результаты, всегда есть разные люди, тем более что практически все наши студенты – не восемнадцатилетние, а всё-таки, как правило, уже люди с высшим образованием, многие с научными степенями. Мы, как всегда, давали возможности, наилучшие для того времени. Наша библиотека, наши силы позволяли это делать. А сколько уж люди брали – это зависело от каждого человека.

Интервью с одним из первых студентов СФИ Александром Михайловичем Копировским

Когда Вы поступили в СФИ?

Я не стал поступать в первом наборе, потому что тогда я читал лекции по искусству и решил, что одновременно с этим учиться будет сложно. Теперь я об этом жалею. Надо было поступать сразу. Всё надо делать сразу. Но ничего, я догнал.

Значит, Вы поступили в институт в 1989 году. И какими были вступительные экзамены?

Было собеседование, а не экзамен. На нём скорее пытались выяснить, зачем тебе это всё надо и с

каким багажом ты пришёл. Вступительные экзамены появились потом.

А учёба в СФИ первые пять лет на что была похожа?

Все читали книги по программе и писали не столько конспекты, сколько мысли по поводу прочитанных книг. И потом обсуждали книги с куратором. Я считаю, что это очень плодотворно, хотя сейчас это вряд ли можно возродить. Мне кажется, эта форма оптимальна для ситуаций, когда

нет возможности учиться так, как учатся все. И она очень личная. Она позволяет потом отобрать людей, которые действительно хотят учиться. Ты не отсидишься за чьей-то спиной, потому что с тобой на каждой встрече разговаривает единственный преподаватель. Нет занятий. Есть встречи. Они проходят по домам, нет специального помещения. Собираются все, происходит собеседование, где каждый выкладывает, какие мысли пришли ему в голову при чтении и размышлении. А остальные «отфильтровывают» эти мысли, проверяют их на ценность, на то, насколько человек приложил свои усилия, чтобы что-то познать, понять, постигнуть. Всё-таки все эти студенты не были мальчиками и девочками. У них уже был жизненный опыт и, как правило, высшее образование. Ну и, с другой стороны, очень сильно подогревала обстановка вокруг. Потому что понятно, по какой статье мы бы все за подпольный православный институт пошли¹.

У вас были какие-то способы конспирации?

Не было. Вот когда мы вели оглашение в чьей-то квартире, где никого не знали, тогда мы как-то маскировались.

На этих учебных собеседованиях происходили какие-то очень важные открытия, потому что о. Георгий не позволял нам фантазировать. Иначе любой студент мог бы начать выдавать какие-то собственные, имеющие мало отношения к подлинному богословию теории.

¹ Напоминаем, что СФИ возник в 1988 году, ещё до отмены антицерковных законов (и того, что их скоро отменят, никто не ожидал). Чаще всего подобные внеприходские собрания верующих подпадали под ст. 142 УК РСФСР («нарушение законов об отделении церкви от государства и школы от церкви», наказание – исправительные работы на срок до одного года или штраф до пятидесяти рублей, т.е. около половины месячной зарплаты; повторное нарушение – до трёх лет). Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР от 18 марта 1966 года о применении этой статьи, в частности, гласило: «Разъяснить, что под нарушением законов... понимается... изготовление с целью массового распространения или массовое распространение обращений, писем, листовок и иных документов, призывающих

Как Костя Буфеев, ставший потом о. Константином²?

Да, я как раз его вспомнил...

Как бы то ни было, думаю, всегда нужно иметь в виду возможность такого способа образования: не кружок по изучению богословия, а программу чтения книг – серьёзных, фундаментальных работ, не только отдельных статей.

А предметы там были?

Были направления, что гораздо интересней. Теперь бы сказали – «модули». Для этих модулей была подобрана литература. Не исчерпывающая библиография, а список фундаментальных книг, прочитав каждую из которых (не просмотрев бегом, а именно прочитав!), невозможно было остаться тем, кем ты был до этого. Потому что на эту фундаментальную вещь ты должен был как-то среагировать – не составить подборку цитат из каждой книги, а вынести из её чтения результаты собственных размышлений, которые потом жизнь проверит на прочность.

А как можно за мысли ставить оценки? Прямо так – от «двух» до «пяти»...

Ставили не оценки за мысли, а крестики и нолики, зачет – незачет, т.е. отмечали, «врубился» человек в тему или нет. Попутно выяснялось и знание терминологии, и всё остальное. В результате всё прочитанное и обсуждённое не по клеточкам составлялось, а как бы наматывалось на валик. И это, мне кажется, было очень хорошо и перспективно. КФ

к неисполнению законодательства о религиозных культах; совершение обманных действий с целью возбуждения религиозных суеверий в массах населения; организация и проведение религиозных собраний, шествий и других церемоний культа, нарушающих общественный порядок...», и один из этих пунктов всегда можно было «привязать» к любой образовательной деятельности верующих.

² В то время – один из студентов СФИ, ныне – протоиерей, жёсткий критик Преображенского братства. Чаще всего в качестве объекта критики у него выступают его собственные искажённые представления о различных сторонах братской жизни.

Братский помянник

12 июля 1965 года отошёл ко Господу митрополит Гурий (Егоров), один из основателей и руководителей Александро-Невского братства

Находясь в тюрьмах и ссылках (1922–1925, май–ноябрь 1927, 1928–1934), отец Гурий продолжал духовно поддерживать братьев и сестёр.

15(28) мая 1927 года, когда его в очередной раз вызвали в ОГПУ, он написал прощальное письмо «Моим духовным детям и всем во Христе братьям и сёстрам, духовно близким мне»: «Всех прошу и молю: мир имейте между собой. Старайтесь всегда не замечать чужих грехов и прощать сразу. Единства держитесь всеми силами. Единство разумею не внешнее только, но ещё более внутреннее, во взглядах и любви... Сейчас повторю старое: не обмирщайтесь... Любовь, радость о Господе и мир да будет всегда в Вас. А для этого нужно самоограничение и терпение. Прошу у всех прощения и молитв. Любящий А. Гурий». О силе духовного единства писал он и ещё в одном своём письме братчикам из тюремной больницы: «Моё сердце наполнено сейчас тихой, немного грустной радостью и успокоением. И с кем же мне поделиться, как не с вами, дорогие друзья мои, любимые и любовью отвечающие. Разбросала нас, ваших старших отцов, в разные края судьба по воле Божьей. Одного — к белым медведям, другого — к верблюдам, третьего к дикарям, и даже хуже — к

людям без проблесков совести. Но мыслью мы трое — с вами. Вместе мысленно стоим с вами в храме, вместе молимся.

...Я особенно ясно понимаю теперь, что значат слова Христовы к ученикам: «Я в вас, и вы во Мне, и Я в Отце Моём». И если Христос в Тайне страшной и в молитвах — с нами и с вами, то мы всегда — вместе, и всегда счастливы и утешены во веки. Христос посреди нас. Арх. Гурий. Братья и сестры, в православии не оскудевайте».

Вернувшись из лагеря в 1933 году, отец Гурий при поддержке членов братства поселился в Ташкенте. Вскоре туда стали приезжать освобождавшиеся после лагерей и ссылки братья и сёстры из Александро-Невского братства. Тайная община просуществовала в Ташкенте и затем под Ферганой до 1944 года, пока патриарх Алексей не пригласил архимандрита Гурия стать наместником Троице-Сергиевой лавры. В 1946 году он стал епископом и был в течение почти 20 лет правящим архиереем; шесть раз его переводили из одной епархии в другую. Последней из них стала Симферопольская и Крымская. В эту епархию митрополит Ленинградский и Ладожский Гурий попросился сам, отказавшись — единственный раз в русской церковной истории — от должности постоянного члена Священного синода по кафедре. Одной из причин было то, что в этот период он был уже серьёзно болен и не мог противостоять антицерковной кампании, инициированной Никитой Хрущёвым, другой — то, что после перевода в Ленинград ему было запрещено встречаться с братчиками, многие из которых ещё оставались в живых. Конечно, братчики ходили к нему на службу и так или иначе встречались с властью, но свободного общения, приглашения в свой дом митр. Гурий

позволить себе не мог.

За несколько лет до перевода владыки в Крым в небольшом домике под Алуштой, купленном митр. Гурием, начали жить сёстры из Александро-Невского братства. Туда он часто приглашал верующих студентов, сам составлял им программу отдыха и общения с сёстрами. Эта миссия продолжалась вплоть до 1964 года, когда незадолго до кончины владыки власти отобрали у больного архиерея большую часть дома.

Погребён митр. Гурий на Первом Симферопольском кладбище рядом с могилой архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого).

13 июля 1944 года отошёл ко Господу протоиерей Сергей Булгаков

Один из крупнейших богословов XX века, основатель Свято-Сергиевского института в Париже, отец Сергей стал главой уникального православного братства — братства Св. Софии, собравшего лучших представителей религиозно-философского возрождения, находившихся в эмиграции. Об этом братстве он говорил:

«Происходит соби́рание церковных сил, а не группирование их вокруг одного лица; наша основная задача — послужить церкви, войти в её жизнь, и основной предпосылкой нашего вступления в Братство является глубокое смирение, сознание личной слабости перед лицом великих задач,

стоящих перед нами. Но пусть это смирение не подменяется ни в нас, ни в ком другом — духовной трусостью, холодностью сердечной, пассивностью... Было бы недостойно с нашей стороны зажимываться перед задачами нашего времени, — ибо смирение не в том, чтобы освобождать себя от задач, возложенных на нас, а в том, чтобы, отдавая себя на их разрешение, сознавать ограниченность сил и вверять себя, в своём действовании, руке Божией. На этом пути каждого из нас ждёт внутренняя проверка самого себя, каждый должен заглянуть в себя и сказать себе, может ли он отдать себя на разрешение задач, выдвигаемых Братством... Этот процесс самосознания уже идёт в нас, работа Братства в этом смысле началась уже давно. И задача наша не в одиночку переживать это, но носить тяготы друг друга, сообщая переживать свои трудности».

В состав Братства Св. Софии в разные годы входили Н.А. Бердяев, Б.П. Вышеславцев, о. А. Ельчанинов, А.В. Карташев, Г.Н. Трубецкой, С.Е. Трубецкой, П.Б. Струве, Г.В. Флоровский, В.В. Зеньковский, С.С. Безобразов, Г.П. Федотов, С.Л. Франк, И.А. Лаговский и др.

Протоколы заседаний Братства воссоздают уникальную атмосферу интеллектуальной и духовной жизни 1920-х годов: читая их, мы присутствуем при том, как корифеи русской мысли напряжённо обсуждают между собой наболевшие вопросы веры и жизни.

Братство было основано в 1923 году, а последнее упоминание о нём можно встретить в письме о. Сергея С.Л. Франку, в котором он предлагает братчикам собраться вместе с молодыми студентами Свято-Сергиевского института и провести беседу в память о почившем П.Б. Струве. **КФ**

Молва о новом виде проповедничества быстро распространилась всюду

Из бакалаврской работы Елены Островской

Конец XIX – начало XX в. в России – время глубоких мировоззренческих и общественных сдвигов: на фоне обострения социальных и экономических проблем, в условиях всё возрастающей неустойчивости общества выявлялась и росла угроза неверия и лжеверия, разделения, разобщённости и вражды. Санкт-Петербургское Общество распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви, образованное в 1881 г., стало одним из самых действенных церковных ответов на вызовы своего времени.

Оно возникло как инициатива нескольких священников и мирян в их бескорыстном духовном порыве противодействия идеям разложения общественных и церковных основ, стремительно завоевывавших умы представителей всех слоёв общества. То, что это была инициатива «снизу», определило дальнейший путь развития и характер деятельности Общества.

Своей целью оно ставило ведение просветительской деятельности во всех слоях общества, в том числе в среде простого народа. Эта просветительская деятельность велась в форме

религиозно-нравственных внебогослужебных бесед.

К моменту возникновения Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви жанр внебогослужебных бесед в России был широко известен и распространён почти во всех её епархиях. Как сообщалось в отчёте обер-прокурора Синода за 1883 г., «эти собеседования открыты почти во всех епархиях, а в иных они уже существуют целые десятки лет»¹. Внебогослужебные беседы появились в 60-е гг. XIX в. и велись духовенством в храмах по воскресным и праздничным дням. Они были направлены на объяснение и укрепление в народе основ христианской веры и нравственности и предполагали ослабление и устранение влияния на народ проповеди различных сектантских течений.

В Санкт-Петербурге до 1881 г. подобные беседы не велись, следствием чего стала значительная активность и популярность неправославных проповедников. Так, ещё в 1871 г. в журнале «Христианское чтение» автор, скрытый под инициалами «Н.Б.», сообщал о восторженной реакции петербургской публики на пропо-

ведь лорда Редстока: «Вот такую религию я понимаю: любовь, только любовь, а не то, что наши обедни да всенощные, на которых ничего не понимаешь...»². Далее автор сетовал на разрушение религиозных основ в сознании народа и общества, незнание народом своей веры и практически полное отсутствие проповеди как орудия просвещения, на бездействие пастырей церкви из-за огромной занятости делами приходов и законоучительством. Проповеди в Петербурге, говорилось в статье, произносятся только в Исаакиевском соборе, Знаменской церкви и в церкви гимназии человеколюбивого Общества, тогда как в образованном обществе получают широкое распространение идеи материализма, позитивизма, утилитаризма, идеализма, нигилизма...

Впервые в Петербурге внебогослужебные беседы были открыты в Сергиевском всей артиллерии соборе, где местный протоиерей Дмитрий Яковлевич Никитин в начале марта 1880 г., «испросив разрешение своего начальника, протопресвитера Василия Борисовича Бажанова, <...> решил один, без всякой посторонней помощи, выступить на защиту православия открытием

¹ О внебогослужебных собеседованиях и необходимости приходских попечительств // Церковный Вестник. 1886. № 23. С. 378.

² Внутреннее обозрение // Христианское чтение. 1874. № 5. С. 117.

³ Никитин Д., прот. К истории возникновения Общества религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви // «Воспоминания из прошлого» одного из членов Общества. Ркп. 1 марта 1891 г. // ЦГИА. Ф. 2215. Д. 7. Л. 2.

в своём храме внебогослужебных собеседований с единственным упованием на помощь Божию»³. Первая беседа о. Дмитрия состоялась 16 марта 1880 г. На неё собралось не менее 1000 человек не только из Сергиевского прихода, но и из других приходов Петербурга. «Молва о новом виде церковного проповедничества быстро распространилась всюду»⁴.

Очень скоро к прот. Дмитрию Никитину присоединяются два законоучителя – священники М.И. Соколов и К.И. Ветвеницкий. Об участии в ведении бесед просят «талантливейшие столичные проповедники о.о. Иосиф Васильевич Васильев, Дмитрий Алексеевич Тихомиров, Иоанн Никитич Полисадов <...> и многие другие представители столичного духовенства»⁵.

7 апреля 1880 г. на квартире у Александра Ивановича Максимова собираются 25 лиц светского и духовного звания для решения вопроса, «не благовременно ли открыть в С.-Петербурге религиозно-нравственные чтения и беседы в храмах и домах?»⁶. Собравшиеся приходят к решению «об образовании Общества для открытия бесед первоначально и, главным образом, в св. храмах, а затем в общественных залах, на заводах, фабриках, в тюрьмах и частных домах»⁷.

Создаётся комитет для составления Устава будущего Общества. Митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Исидор (Никольский) даёт своё благословение на новое дело, изъявив «глубокое удовольствие о

возникающем движении среди духовенства и общества». Среди наставлений новому Обществу он отметил «необходимость простоты и краткости, допускал возможность обмена мыслями беседующих с слушателями в храме» и важность «как можно больше сблизиться всему духовенству»⁷.

Так инициатива по проведению внебогослужебных бесед для народа священника Сергиевского собора прот. Дмитрия Никитина, противодействовавшая распространению в столице лжеучений и сект, стала началом организованного движения религиозно-нравственного просвещения в столице и ответом на духовные и нравственные вызовы времени от столичного духовенства и мирян.

Церковные беседы проводились в приходских и домовых храмах по соглашению с местными причтами во время, свободное от богослужений. Кроме этого, беседы от имени Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви организовывались в общественных учреждениях, а также в домах частных лиц. Начинались и заканчивались беседы и чтения всегда церковными молитвами или церковными песнопениями.

Особенностями нового Общества было то, что оно:

- родилось и развивалось как инициатива «снизу» духовенства и светских лиц;
- дело внебогослужебных бесед во многих местах их проведения становилось делом одного кружка проповедников (т. е. специализированным и центра-

Всей артиллерии собор во имя Преподобного Сергия Радонежского. Фото начала XX века.

В 1934 году собор был частично разобран, частично перестроен в административное здание, входившее в комплекс зданий НКВД

лизованном делом);

– ведение внебогослужебных бесед от имени Общества могло быть организовано не только в храмах, но и в общественных учреждениях и в домах частных лиц;

– к ведению бесед, при некоторых условиях, могли быть допущены светские лица, т. е. миряне, не получившие полного богословского образования, но «известные Обществу своими богословскими познаниями»⁸.

– проповедники Общества были свободны в выборе тем, времени, частоты своих бесед, не подвергались контролю ни со стороны епархиального начальства, ни со стороны совета Общества, который сразу предложил проповедникам самим определять содержание и форму внебогослужебных бесед, считая, что «пастырей в их деле поучения паствы и паству судит Церковь»⁹.

Отчёты проповедников уже со второго года говорят о высокой востребованности бесед, проводимых Обществом. Практически из всех мест проведения бесед сообщается о всём возрастающем интересе слушателей. Иногда

⁴ Никитин Д., прот. К истории возникновения Общества религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви. «Воспоминания из прошлого» одного из членов Общества. Ркп. 1 марта 1891 г. // ЦГИА. Ф. 2215. Д. 7. Л. 2.

⁵ Речь прот. Сергиевского собора перед молебствием в честь десятилетия внебогослужебных бесед // Отчёт о деятельности Общества распространения религиозно-нравственного

просвещения в духе Православной Церкви за 1889–1890 год. С. 7.

⁶ Там же. С. 1.

⁷ Там же. С. 2, 4.

⁸ Там же. С. 53.

⁹ Отчёт о деятельности Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви за 1881–1882 гг. С. 9.

Из сохранившихся документов видно, какая жажда духовного просвещения была в среде рабочих, как сильно было воздействие религиозных бесед на слушателей и как они стремились изменять свою жизнь под влиянием этих бесед...

помещения, где велись беседы, не могли вместить всех желающих. Случалось, что, закончив один раз беседу, проповедник снова начинал её для тех, кто не попал в зал в первый раз.

Появлялись слушатели, которые не пропускали ни одной беседы, вели конспекты услышанного и потом читали свои записи другим. В отчётах сообщается, что с началом ведения в храмах бесед возрастало и число посещающих в них богослужения.

Со временем потребность народа в религиозно-нравственном просвещении становилась всё более явственной. Слушатели стали сами обращаться с просьбами об открытии у них бесед. Так, по инициативе Общества вспоможения приказчикам и сидельцам с 1882 г. беседы были открыты в их помещении и велись там в течение всего времени существования Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви.

В ЦГИА сохранилось прошение в Совет Общества от рабочих пивоваренного завода Дурдиных, крестьян Потапова и Круглова, об открытии на заводе религиозно-нравственных чтений. В прошении говорилось: «Труды ведения чтений принимают на себя крестьяне: Михаил Потапов и Александр Круглов»¹⁰.

Беседы были открыты 8 января 1891 г. и велись три раза в неделю местным священником и дьяконом. В отчете об этих беседах сообщается: «Когда они (мест-

ный священник и дьякон – Е.О.) не могли вести беседы, по выбору и с разрешения заведующего беседами читали двое из рабочих завода: Михаил Потапов и Александр Круглов какую-либо брошюру»¹¹. Священник сообщает об изменениях в своих слушателях: «Хотя беседы ведутся только три месяца, но и теперь уже заметно их влияние. Под влиянием бесед были случаи почти радикальной перемены образа жизни»¹².

Из этих сохранившихся документов видно, какая жажда духовного просвещения была в среде рабочих, как искали его сами рабочие, как сильно было воздействие бесед на слушателей и как слушатели стремились изменять свою жизнь под влиянием бесед.

В храмах также темы внебогослужбных бесед были весьма разнообразны, так как определялись самими проповедниками. В Николо-Труниловской церкви о. Игнатий Матвеевич Анненский объяснял Божественную литургию. В своём отчёте о беседах он, в частности, писал: «Мною прочитаны были все молитвы, читаемые священником, сначала по-славянски, затем с переводом на русский и полным их объяснением»¹³.

В Вознесенской церкви прот. Василий Михайловский вводил вопросно-ответную форму собеседований, когда проповедник отвечал на вопросы слушателей, заданные как письменно, так и устно.

Некоторые проповедники стремились к систематическому изложению избранных ими тем в своих беседах. Старались, хотя бы кратко, объяснять чтения из Евангелия и Апостола, положенные по церковному уставу на следующее воскресенье, чтобы подготовить слушателей к более сознательному пониманию церковного богослужения. Проповедники старались объяснять суть каждого праздника, если таковой приходился на будничные дни следующей седмицы.

Многие находки проповедников Общества были использованы в работе Поместного собора 1917–1918 гг., когда обсуждались вопросы о церковной проповеди и её месте в богослужении, о допуске мирян к церковной проповеди, об участии женщин в жизни церкви. Так, в определении «О церковном проповедничестве», принятом на Поместном соборе 1 декабря 1917 г., утверждалась обязательность звучания проповеди как можно чаще, особенно за божественной литургией в воскресные и праздничные дни. Проповедь была названа одной из важнейших обязанностей пастыря. Для развития проповедничества было предложено создание «благовестнических братств из клириков и мирян», устройство науки «проповедничества», издание учебников и сборников проповедей, образование особых библиотек...¹⁴ **КФ**

¹⁰ ЦГИА СПб. Ф. 2215. Оп. 1 Д. 4. Л. 151.

¹¹ Там же. Л. 150.

¹² Там же. Л. 150 об.

¹³ Отчёт о деятельности Общества распространения религиозно-

нравственного просвещения в духе Православной Церкви за 1882–1883 гг. С. 18.

¹⁴ Определение Поместного собора 1917–1918 годов «О церковном проповедничестве».

Кольцо фронтов

Текст: Александра Колымагина

Если первые три месяца советской власти сопротивление ей было малочисленным и разрозненным (в основном в нём участвовали военные училища крупных городов, формирующаяся Добровольческая армия на Юге России и объявившие «новой власти» бойкот сотрудники государственных учреждений), если вторые три месяца (февраль, март, апрель) были временем легендарных походов не слишком больших частей, состоящих из добровольцев (прежде всего офицеров) – то в последующие три месяца против большевиков поднялись почти по всей стране. В советской историографии это время называется «молодая республика в кольце фронтов»; территория, подконтрольная советам, в это время сократилась практически до территории Московской Руси времён Ивана III.

К этому времени в большей или меньшей степени активно в военные действия включились и представители обеих воюющих сторон пока ещё не законченной Первой мировой войны: как противники России, прежде всего

Германия (то ли ставшая, то ли не ставшая союзницей большевиков после октябрьских событий, а тем более после Брестского мира), так и союзники России в Первой мировой войне, страны Антанты, видевшие в захватчиках власти прежде всего врагов тех договорённостей, которые существовали с 1914 года. И те и другие становились время от времени союзниками и противниками разных сил, вовлечённых в междоусобное противостояние на территории России.

НА ЗАПАДЕ

В результате подписанного в марте Брестского мира¹, заключённого между большевиками и Центральными державами, и договоров Германии с Украинской радой и Финляндией от России была отторгнута территория площадью 780 тыс. кв. км с населением 56 миллионов человек (треть населения Российской империи): Польша, Украина, Прибалтика, Финляндия, Карская и Батумская области на Кавказе. Продвижение германской армии не ограничилось пределами зоны оккупации, определённой мирным догово-

ром. Под предлогом обеспечения власти Украинской рады немцы продолжили наступление. Используя в качестве формального повода отсутствие договора о границе между Советской Россией и Украиной, **немецкие войска захватили и ряд ключевых пунктов на территории России: Ростов, Таганрог, Белгород и другие**².

НА ВОСТОКЕ

В середине апреля из Маньчжурии в Забайкалье перешли в наступление войска атамана Семёнова (около 1000 штыков и сабель против 5,5 тысяч у красных). Одновременно началось восстание забайкальского казачества против большевиков. Бои с переменным успехом шли в Забайкалье до конца июля, когда **казаки нанесли решающее поражение красным войскам и 28 августа взяли Читу. Вскоре амурские казаки выбили большевиков из своей столицы, Благовещенска, а уссурийские казаки взяли Хабаровск.**

В конце мая началось восстание чехословацкого корпуса³. В результате при поддержке чехо-

¹ Даже среди большевиков Ленину пришлось «продавливать» решение о позорнейшем Брестском мире. За его ратификацию проголосовали семь членов большевистского ЦК (Ленин, Свердлов, Сталин, Зиновьев, Сокольников, Смирнов и Стасова), против – пять, и только то, что Троцкий убедил четверых несогласных вместе с ним воздержаться (а не голосовать против), решило судьбу голосования.

² В ряде из этих областей некоторые из представителей антибольшевистских сил (например, атаман Краснов) вступили с немецкими войсками в союзнические отношения.

³ Чехословацкий корпус, состоявший в основном из пленных чехов и словаков – бывших военнослужащих австро-венгерской армии, выразивших желание участвовать в войне против Германии и Австро-Венгрии, с 15 января 1918 года был

формально подчинён французскому командованию. Две его дивизии дислоцировались на территории Украины в ожидании отправки во Францию. С началом германского наступления корпус (40–45 тысяч человек) эвакуировался на восток с целью выехать через Владивосток по морю в Западную Европу для продолжения боевых действий на стороне Антанты. Эшелоны с чехословаками оказались разбросаны вдоль Транссибирской магистрали от Пензы до Владивостока. 21 апреля под давлением Германии нарком иностранных дел Г.В. Чичерин потребовал от Красноярского совета приостановить дальнейшее передвижение эшелонов на восток (это было воспринято чехами как намерение советского правительства выдать их Германии и Австро-Венгрии как бывших военнопленных). Восстание началось со стычек с красногвардейцами, пытавшимися разоружить чехов.

словацких войск в мае – июне советская власть была свергнута в Новониколаевске, Пензе, Сызрани, Томске, Кургане, Омске, Самаре и Красноярске. 5 июля русские и чехословацкие отряды заняли Уфу, а чехи 25 июля взяли Екатеринбург.

8 июня в освобождённой от красных Самаре эсерами был создан Комитет Учредительного собрания (Комуч). Он объявил себя временной революционной властью, которая должна была, по замыслу его создателей, распространившись на всю территорию России, передать управление страной законно избранному Учредительному собранию. Комуч создал собственные вооружённые силы – Народную армию. В июле силами Народной армии были заняты Симбирск, Хвалынский, Вольск. 7 августа эти войска под командованием генерала Каппеля взяли Казань, где захватили часть золотого запаса Российской империи, а также огромные склады с вооружением, боеприпасами, медикаментами, амуницией. Со взятием Казани в противобольшевистский лагерь в полном составе перешла находившаяся в городе Академия Генерального штаба во главе с генералом А.И. Андогским. К началу августа в «территорию Учредительного собрания» входили также Сенгилей, Бугульма, Бугуруслан, Белебей, Бузулук, Бирск, Уфа.

23 июня в Омске к власти пришло по составу в основном эсеровское Временное Сибирское правительство.

К противобольшевистским силам Поволжья присоедини-

лись Уральское и Оренбургское казачьи войска. 3 июля казаки взяли Оренбург и ликвидировали власть большевиков в Оренбургской области.

В Уральской области казаки без труда разогнали местные большевистские ревкомы и уничтожили присланные для подавления восстания красногвардейские части.

В результате к началу сентября большевистская власть была ликвидирована во многих областях Поволжья, на всём Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке.

НА ЮГЕ

10 мая казаки совместно с подошедшим из Румынии 1-тысячным отрядом Дроздовского заняли столицу Войска Донского – Новочеркасск.

После этого Краснов был избран атаманом Всевеликого Войска Донского. Началось формирование Донской армии, численность которой к середине июля составила 50 тысяч человек. В июле Донская армия пыталась взять Царицын, чтобы соединиться с уральскими казаками на востоке. В августе – сентябре Донская армия перейдёт в наступление ещё на двух направлениях: на Поворино и на Воронеж.

В июне 8-тысячная Добровольческая армия начала свой Второй Кубанский поход на поголовно восставшую против большевиков Кубань. Генерал А.И. Деникин последовательно наголову разбил под Белой Глиной и Тихорецкой 30-тысячную армию Калнина, затем в ожесточённом сражении под Екатеринодаром – 30-тысячную армию Сорокина. **21 июля белые заняли Ставрополь,**

17 августа – Екатеринодар (с 1920 г. город носит название Краснодар. – *Ред.*). К концу августа территория Кубанского войска была полностью очищена от большевиков, а численность Добровольческой армии достигла 40 тысяч штыков и сабель⁴.

18 июня началось восстание терского казачества. Казаки нанесли поражение красным войскам и блокировали их остатки в Грозном и Кизляре.

8 июня Закавказская Демократическая Федеративная Республика распалась на 3 государства: Грузию, Армению и Азербайджан. В Грузии высадились германские войска; Армения, потеряв большую часть территории в результате турецкого наступления, заключила мир. В Азербайджане 31 июля к власти пришёл меньшевистский Центрокаспий.

Летом 1918 года восстали рабочие-железнодорожники в Асхабаде (с 1927 г. Ашхабад. – *Ред.*). Они разгромили местные красногвардейские части, а затем разбили и уничтожили посланных из Ташкента карателей, мадьяр-«интернационалистов», после чего восстание покатило по всей области. К рабочим стали примыкать туркменские племена. К 20 июля вся Закаспийская область, включая города Красноводск, Асхабад и Мерв, оказалась в руках восставших.

НА СЕВЕРЕ

6 марта немногочисленный английский десант высадился в Мурманске для предотвращения захвата немцами огромного количества военных грузов, поставленных союзниками в Россию, но

⁴ Чтобы понять, много это или мало, напомним, что численность Русской армии во время Первой мировой войны составляла в разные годы от 5 до 7 млн человек. Но, несмотря на сравнительно меньшую численность войск, военные потери России в

гражданской войне ненамного меньше военных потерь Первой мировой (а мирного населения в годы гражданской погибло в 3-4 раза больше, чем в Первую мировую, и общие потери достигают 12–13 млн человек).

Атаман Г.М. Семёнов (1890–1946, один из руководителей забайкальского казачества), генерал В.О. Каппель (1883–1920, глава командования Народной армии Комитета Учредительного собрания), полковник М.Г. Дроздовский (1881–1919, один из руководителей Белого движения на Юге России), атаман Всевеликого войска Донского П.Н. Краснов (1869–1947), капитан 2-го ранга Г.Е. Чаплин (1886–1950, руководитель восстания в Архангельске), Б.В. Савинков (1879–1925, руководитель ярославского восстания)

никаких враждебных действий против советской власти не предпринял. Позднее к этим силам добавился 2-тысячный десант.

В ночь на 2 августа организация капитана 2-го ранга Чаплина (около 500 человек) свергла советскую власть в Архангельске, 1-тысячный красный гарнизон разбежался без единого выстрела. Власть в городе перешла к местному самоуправлению и началось создание Северной армии. Членами Верховного управления Северной области Чаплин был назначен «командующим всеми морскими и сухопутными вооружёнными силами Верховного управления Северной области». Вооружённые силы в это время состояли из 5 рот, эскадрона и артиллерийской батареи. Части были сформированы из добровольцев. Местное крестьянство (так же как и мурманское) предпочитало занимать нейтральную позицию, и надежд на мобилизацию было мало.

В ЦЕНТРЕ

На V Всероссийском съезде Советов в начале июля большевики, несмотря на противодействие левых эсеров, находившихся в меньшинстве, приняли первую советскую конституцию, закрепив в ней идеологические принципы

нового политического режима. Основной его задачей было «установление диктатуры городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства... с целью полного сокрушения буржуазии». После этого левые эсеры перешли к активным действиям.

6 июля Яков Блюмкин убил в Москве германского посла Мирбаха, что послужило сигналом к началу левоэсеровского восстания в Москве, имевшего целью свержение Совнаркома и разрыв договорных отношений между Германией и РСФСР.

В ночь на 6 июля началось ярославское восстание, организованное Союзом защиты Родины и Свободы Бориса Савинкова.

8 июля произошли подготовленные Союзом защиты Родины и Свободы рыбинское и муромское восстания. 10 июля в поддержку своих соратников попытался поднять восстание против большевиков командующий Восточным фронтом РККА левый эсер Михаил Муравьев, но его со всем штабом под предлогом переговоров заманили в ловушку и застрелили.

К 21 июля эти восстания были подавлены. Левые эсеры были подвергнуты репрессиям, а в стране окончательно установилась однопартийная диктатура.

Почему же это время, когда, казалось, земля горела у большевиков под ногами, не закончилось победой белых?

Наверное, чтобы понять это, важно выйти из привычной нам оппозиции «красные–белые», потому что силы, выступившие против большевиков, – от крайних монархистов, таких, как корпус полковника Дроздовского, до левых эсеров – были настолько разными, что им было бы очень трудно хоть как-то договориться, а уж тем более скоординировать свои действия. А ведь они были ещё и разделены огромными расстояниями, отсутствием связи и достоверной информации.

Главным же, наверное, было то, что крестьянство, составлявшее подавляющее большинство населения, вплоть до начала 1920-х в лучшем случае занимало нейтральную позицию. Для того, чтобы понять, что лозунги красных лживы, мало было начавшихся реквизиций, требовалось больше времени и способности к анализу. К лету 1918 года войска всех воюющих сторон состояли в основном из добровольцев, но крестьяне (кроме казачьих областей) не поддерживали антибольшевистское сопротивление. И когда они опомнились, было уже слишком поздно. **КФ**

Советские конституции и террор

К столетию принятия первой советской конституции мы публикуем интервью с профессором Виктором Михайловичем Кирилловым

*Беседовали Александра Колымагина, Анастасия Наконечная.
Фото: Александр Волков*

Доклад В.М. Кириллова на конференции «Духовные итоги революции в России: коллективный человек и трагедия личности» был посвящён концепции революционной законности в правовой практике советского государства

События 1917 года иногда вызывают у людей некую ностальгию по призыву к свободе и социальному равенству. Как бы Вы могли это оценить?

Как это ни парадоксально, мир после событий 1917 года стал свободнее. Рыночная система, боясь повторения чего-то подобного, пришла к идее социального государства или

государства благосостояния. Эта идея была реализована социал-демократией в 1950-х годах во многих странах, в том числе в государствах Западной Европы. Сам либерализм обогатился, стал неолиберализмом, и социализма в этих странах стало даже больше, чем мы желали для себя. Так получилось, что чудовищный эксперимент по реализации социалистической идеи в России, в ходе которого

мы не получили никаких благ, а только потеряли человеческий потенциал и разрушили мораль, для других обернулся воздействием идеальной модели. И то хорошее, что у нас существовало преимущественно в пропагандистском ключе, там реализовали на практической почве. Вот пример: мы всегда говорили, что у нас бесплатное образование, медицинское обслуживание. Но это было практически во всех развитых странах Запада с конца 1950-х гг. наряду с платными услугами, и в итоге оказалось гораздо более развито, чем у нас. Наша же реальность вызывала у западных людей разочарование – но только в тех случаях, когда они сталкивались с ней непосредственно и лично.

Например, во время Великой депрессии 1929–1933 гг. многие граждане иностранных государств стремились в нашу страну: у них была безработица, нищета, а они хотели строить социализм, государство социального равенства. Через несколько месяцев иммигранты понимали, куда они попали, но вырваться было уже невозможно.

А как сказывался этот зазор между красивым фасадом и реальностью в правовом поле? Был ли он когда-то больше,

когда-то меньше? Какова здесь была динамика начиная с 1917 года?

Были периоды, например 1917–1922 гг., когда под прикрытием «принципа революционной целесообразности» бессудные расправы вершились напрямую и считались правильным делом, уничтожением того класса, который угнетал. Затем, с 1922 по 1929 г., наступил период относительно мягкий, когда были разработаны кодексы, законы и им старались следовать. Правда, ядром законодательной системы оставался классовый подход, на основе которого шла борьба с врагами диктатуры пролетариата. В это время она выражалась в практике массового лишения избирательных прав.

Но ведь это время разрастания СЛОНа – Соловецкого лагеря.

Он считался лагерем, который «должен заняться перевоспитанием и приучать к социалистическому общежитию», а не расстрельным лагерем.

А до этого, с 1919 по 1922 г., были лагеря принудительного труда, правда, там преобладали не расстрелы, а смерть от голода, потому что они не были обеспечены ничем. Позже, с 1929 г., появилась уже третья философия лагерей: это были трудовые колонии, заполняющие бреши в производстве, средства колонизации отдалённых районов. Их стали подключать к пятилетним планам, и чем дальше, тем больше.

Сам же термин «концентрационный лагерь», «концлагерь» появился ещё во времена англо-бурской войны¹. К слову, термин «кулак» тоже не наш – он возник во времена Французской революции.

А в Советской России эти места заключения сразу называли концлагерями?

Нет, так их называли уже те, кто критически их описывал. Это название пришло с Запада и чаще применялось к немецким, фашистским лагерям. Хотя оно правильно обозначало и то, что было у нас, но в советской

действительности существовало своё самостоятельное «бодрящее» название «ИТЛ» – исправительно-трудовые лагеря. На практике они являлись лагерями принудительного труда.

Как бы то ни было, жертвы антицерковной кампании 1922 года, коллективизации и т. д. воспринимались в рамках откровенной политики террора?

Да, этого никто не скрывал: террор против тех, кто сопротивляется. Вплоть до 1936 года действовали Конституции 1918 и 1925 гг., где фигурировала власть диктатуры пролетариата и прямо было записано: подавить эксплуататорский класс, уничтожить его². А с принятием Конституции 1936 г. оказалось, что классы уничтожены, их больше нет. И понадобилось благообразное прикрытие для дальнейшего продолжения террора в условиях перехода к «социалистической демократии».

Как это можно было «прикрыть» в 1937–1938 гг.? И как в рамки благообразного консти-

¹ Две англо-бурских войны (1880–1881 и 1899–1902 гг.) стали следствием стремления Британской империи завоевать голландские колонии Трансвааль и Оранжевая Республика на юге Африки. Значительную роль в этих событиях сыграло открытие на территории Оранжевой Республики богатых алмазных, а на территории Трансвааля – золотоносных месторождений. В ходе первой войны буры (колонисты-голландцы) отстояли Трансвааль, во второй войне они проиграли. Именно во время второй бурской войны появился термин «концентрационный лагерь». Он был применён британской армией к местам содержания бурского сельского населения, которое собиралось (концентрировалось) в лагерях для предотвращения помощи партизанам. Из 200 тысяч заключённых (что составляло

примерно половину белого населения бурских республик) по меньшей мере 26 тысяч человек погибли от голода и болезней. Пленных буров-мужчин британцы отправляли как можно дальше от родных земель – в концлагеря на территории Индии, Цейлона и других британских колоний.

² 5 глава Конституции 1918 года начиналась словами: «Основная задача рассчитанной на настоящий переходный момент Конституции Российской Социалистической Федеративной Советской Республики заключается в установлении диктатуры городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства в виде мощной Всероссийской Советской власти в целях полного подавления буржуазии, уничтожения эксплуатации человека человеком и водворения социализма».

туционного государства можно было вместить такие вещи, как выселение целых народов в 1940-е годы?

Это парадоксальная вещь, и многие считали, что это некая загадка. Почему, как только появилась конституция, тут же начался массовый террор? Называют несколько причин. Большинство специалистов сходятся на том, что после испанских событий 1936 г. Сталин был поглощён паранойяльной идеей заговора. По журналу посещений Сталина получается, что за полтора года он провёл 900 часов в доверительных беседах с Ежовым – столько времени он не провёл ни с кем. Он вникал во все детали Большого террора, в самые мельчайшие подробности, по некоторым людям писал конкретные резолюции. Он реально верил в этот заговор. Параноиком его назвать нельзя, но в тот момент это была явная паранойя.

В 1940-е же количество наказаний за «контрреволюционные

преступления» даже выросло в полтора раза по сравнению с 1930-ми. В 1944 г. появились лагерные лагеря и пожизненное заключение, которое вообще не прописано было в Уголовном кодексе. Это ужесточение произошло в годы войны, потому что в истории России никогда прежде не было столько коллаборационистов, предателей, которые боролись против режима. Власть в предшествующие годы очень постаралась настроить против себя собственный народ.

Правильно ли я понимаю, что в советские годы полностью рухнула правовая система, основанная на суде присяжных, которая начала выстраиваться в России в конце XIX – начале XX в., после Великих реформ? Или оставалась её видимость (ведь были народные заседатели – как бы присяжные)?

Помните дело Засулич? Суд присяжных оправдал её, хотя её надо было осудить³. Столыпин для преодоления этих проблем добился введения военно-полевых судов... Так что всё-таки не стоит считать, что в дореволюционной России всё было хорошо в правовом поле. Не надо думать, что вся страна была пропитана культурой Серебряного века. Она была характерна для узкого слоя населения, очень небольшо-

го. Беда состояла в том, что этот культурный, аристократический слой уничтожили, а на то, чтобы создать его, века нужны.

Когда есть интеллектуальная элита, она может выбрать векторы развития и помочь решить проблемы развития страны. Но если эту элиту сметают, то некому больше эту функцию выполнять. И когда мы говорим о том, что народ должен знать историю и её критически осмысливать, мы должны понимать, что такое свободное оперирование знаниями невозможно на «школьном» уровне изучения истории.

Тем не менее, одна проблема решена. Хочется в это верить. Мы не повторим то, что было. Мы уже поняли, чего делать нельзя. И меня в этом смысле вдохновили события в начале 1990-х, которые могли превратиться в такую же кровавую вакханалию, если бы этого понимания не было.

Но они и превратились. Помните, как грузины разнесли Тбилиси, что случилось в Карабахе, киргизо-узбекскую резню?

Но ведь это могло произойти и в масштабах всей России: отделились государства, и началось кровопролитие. Но в памяти народа осталось, что это тупиковый путь. В этом, наверное, и есть надежда. **КФ**

³ В июле 1877 года петербургский градоначальник Ф.Ф. Трепов отдал приказ о порке политического заключённого народника А.С. Боголюбова за то, что тот не снял перед ним шапку. Этот приказ был нарушением закона о запрете телесных наказаний (от 17 апреля 1863 г.) и вызвал широкое возмущение в обществе. 5 февраля 1878 года народница Вера Засулич пришла на приём к Трепову и выстрелила в него из револьвера, тяжело ранив. Была

немедленно арестована, но на суде снискала симпатии присяжных заседателей. И хотя по закону за подобные преступления полагалось от 15 до 20 лет тюремного заключения, суд присяжных 12 апреля 1878 г. полностью оправдал Засулич. На оправдательный вердикт присяжных повлияла позиция и председателя суда А.Ф. Кони, и защитника П.А. Александрова.

«Вот тогда мы с ними разберёмся...»

Иоанна-Яна Калниня (Рига)

В Ригу на закрытую Международную конференцию приехал А.Л. Дворкин. Перед этим он решил встретиться с теми, кто, по его словам, хочет разобраться в том, что такое секта, чтобы и самим в неё не угодить, и близких уберечь. Таковых было немало, но я оказалась среди них, и теперь решилась поделиться своими впечатлениями...

Из предварявшего разговор выступления Дворкина стало ясно, что главная его забота — научить людей узнавать «тоталитарные секты» и бороться с ними и что раньше он встречался с сектантами лично, но теперь «настолько известен, что такие встречи небезопасны для него». Потом начались ответы на вопросы слушателей про самые разные религиозные группы: секты ли они. Узнав, что одна из слушательниц — бывший лютеранский пастор, перешедшая в православие, Дворкин тут же зачислил лютеранскую церковь в разряд «сект», сообщив, что в ней «нет таинств» (хотя как профессор Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета он не мог не знать, что лютеране признаются в православие через миропомазание, и значит, Православная церковь признаёт действительность Таинства Крещения у лютеран). Всё это звучало тем более странно, что Латвия — страна, где несколько конфессий мирно сосуществуют и лютеран по численности большинство.

Но и эта тема ещё не была центральной. Это выяснилось, когда устроители лекции задали вопрос: «А существуют ли секты внутри Православной церкви?» Сам по себе вопрос выглядел абсурдно — как может быть сектантом прихожанин или священник Русской православной церкви? Но только не для Дворкина — он с большим энтузиазмом принялся

разоблачать служащего священника, прот. Владимира Головина, рассказывая, как вредна практикуемая им «молитва по соглашению» (одновременно ставилась под подозрение и всякая совместная молитва христиан вне храмовой литургии). На этом профессор Дворкин не остановился, вспомнив ещё об одной «секте» — о «кочетковцах» — и назвав о. Георгия Кочеткова заштатным священником, вокруг которого собралась многочисленная «секта» (такой вердикт он вынес Преображенскому братству, существующему в церкви уже почти тридцать лет и являющемуся одним из членов Совета православных общественных объединений). По счастью, среди аудитории оказались люди, близко знакомые с о. Георгием и Преображенским братством. Они и указали Дворкину на его неосведомлённость, в том числе и на то, что о. Георгию никогда не вручали указа об отправке его за штат, что он много лет служит в Новодевичьем монастыре вместе с другими священниками и митрополитом Ювением, а в дни 25-летнего юбилея Преображенского братства служил и проповедовал в храме Христа Спасителя.

Тут из зала последовал вопрос: как же Православная церковь терпит «секты» внутри себя и почему ничего с этим не делает? На это Дворкин ответил, что о. Георгий очень большой человек и Патриарх его жалеет. И кроме того: если сейчас «разобраться» с о. Георгием, то может получиться только хуже, потому что в его «секте» две тысячи человек, — что с ними будет? «А вот когда он умрёт (привожу его ответ дословно), вот тогда мы с ними разберёмся». Повисла тяжёлая пауза, и кто-то сказал, что это уж как-то совсем бесчеловечно звучит... Ведь мы все когда-нибудь умрём, и тогда Господь нас рассудит: кто Ему служил, а кто — не Ему. И кто

нам дал право выносить свой приговор на этой земле?

Да и сам Дворкин запутался, отвечая на вопрос: можем ли мы выносить окончательный суд человеку или какому-либо движению в церкви? Не может ли быть так, что сегодня мы что-то считаем «сектой», а завтра выяснится, что это не так? Он не смог не признать, что окончательный суд принадлежит Господу, сам приведя в пример свт. Иоанна Златоуста, который в IV веке был изгнан с епископской кафедры в Константинополе и отправлен в ссылку, а потом Церковь признала его святым.

Уходила я со встречи в некотором недоумении. Что могут посеять в отношениях между людьми такие выступления, если за время нашего «общения» с А.Л. Дворкиным слово «секта» звучало почти в каждом предложении, а о Христе он почти не вспоминал? Разве к взаимной подозрительности и желанию всех разоблачать призывал нас Христос Своим примером?

Слава Богу, тема разоблачения «сектантов» у слушателей этой аудитории особого успеха не имела. Но сколько ещё подобного рода «лекций» запланировано А.Л. Дворкиным? И к чему они могут привести на постсоветском пространстве? Ведь нас десятилетиями приучали искать врага, в нас культивировались страх и подозрительность, поощрялись наушничество и доноительство — и долго нам ещё придётся изживать в себе советское наследие, чтобы научиться открытости и доверию друг ко другу. И разве в Церкви Христовой не даруется нам сила давать авансы любви всем, в том числе и тем, кто ещё на пути ко Христу? Так зачем же снова оборачиваться назад, ставя под сомнение действие Святого Духа, преодолевающего человеческие перегородки? **КФ**

Православная община города Нагоя

Воспоминания об удивительной встрече в Японии

*Анна Бертова, автор книги «Христианство в Японии. Опыт историко-религиоведческого анализа».
Фото предоставлено автором*

В 2008 году я оказалась в Японии в рамках двухгодичной исследовательской стажировки. Официально я должна была заниматься изучением буддийского искусства, однако моей тайной целью являлся сбор материалов для написания диссертации на тему христианства в Японии, тему крайне интересную и многогранную, которая не давала мне покоя с момента прочтения в 10-м классе потрясшего меня романа японского христианского писателя Эндо Сюсаку «Молчание». Местом моей стажировки стал город Нагоя, один из крупнейших японских промышленных центров в самом сердце главного японского острова Хонсю, а точнее Нагойский императорский университет.

Помимо занятий, у меня было достаточно времени, чтобы погулять по городу, и во время одной такой прогулки я совершенно случайно наткнулась на небольшое здание с православным крестом, похожее скорее не на храм, а на жилой двухэтажный домик. Почему-то меня обуряла робость, и я постеснялась войти.

Однако через некоторое время мне пришлось переехать из университетского общежития на съёмную квартиру, которая неожиданно оказалась в том же районе, что и

чуждое здание с православным крестом. Наткнувшись на него вновь, я решила, что что-то неслучайно привело меня сюда. Подойдя к дверям, я увидела до боли родную надпись на русском языке: «Добро пожаловать!». Рядом со входом в цветочных горшках трогательно росла совершенно нетипичная для Японии свёкла, назначение которой я узнала уже позже.

Войдя внутрь, я увидела небольшое помещение – своеобразное преддверие храма; от дверей шёл небольшой коридор с парой-тройкой открытых комнаток по бокам, а в его конце виднелась чуть приоткрытая дверь, за которой сияли свечи. В помещении находилось нескольких японок, которые тут же начали приветливо спрашивать, как меня зовут, откуда я приехала и какими судьбами оказалась здесь. Среди женщин выделялась одна наиболее активная – впоследствии выяснилось, что это жена местного священника и регент церковного хора, матушка Мария, пользовавшаяся большим уважением паствы. Сначала робость не давала мне развёрнуто отвечать на вопросы, однако позже я освоилась и начала посещать храм регулярно. Работал он не каждый день, потому что священник отец Георгий Мацусима, руководивший местным храмом, должен был ездить по

Отец Георгий Мацусима

окрестным городам, иногда даже по соседним префектурам, периодически проводя службы в других церквях и молельных домах, так как других священников в этом районе не было. Верующих также на глаз было немного, однако отец Георгий стремился поговорить с каждым, утешить, подбодрить верующих как во время исповеди, так и в обычной жизни.

Отец Георгий был весьма примечательной личностью. Сам он происходил из японской православной семьи, однако в юношестве долгое время не проявлял никакого интереса к религии. Он вырос, поступил на обычную работу, женился, а потом

Репетиция хора

вдруг, оказавшись на похоронах одного из родственников в православном храме, испытал своего рода духовное озарение. Потом он признавался, что в его душе вдруг родилось непонятное, но прекрасное чувство веры, которое полностью изменило его жизнь. Оставив работу, он отправился учиться в семинарию, после чего стал священником. Отец Георгий сразу располагал к себе каждого своим открытым лицом и добрым, всегда немного восторженным взглядом. Казалось, чудесным образом обретенная вера заставляет его глаза светиться изнутри.

Жена отца Георгия, будущая матушка Мария, происходила из неверующей семьи, но её отец был известным в Японии учёным-русистом, поэтому изначально определённая расположенность к России у неё была. Сама же она хотела посвятить свою жизнь музыке. Когда же её муж уверовал и стал священником, она, как истинная японка, поначалу даже не разделяя убеждений мужа, не задумываясь пошла вслед за ним, став опорой и центром местного православного сообщества. Музыкально одарённая, матушка Мария взяла на себя нелёгкий труд по организации хора из японских прихожан. Задача эта была весьма трудна, так как православные песнопения, переведённые на японский язык ещё в кон-

це XIX века и тогда же положенные на музыку, которая далеко не всегда подходила ритму японского языка, были весьма трудны для восприятия прихожан. Матушка Мария не сдавалась. В результате она не только создала в маленьком нагойском храме один из лучших православных хоров в Японии, но и модернизировала звучание песнопений, сделав его весьма благозвучным и более современным, вместе с тем узнаваемым и не уходящим далеко от русского оригинала.

Прихожан в храме было не очень много, и казалось, что всех их знали в лицо и по именам; если же приходил кто-то новый, с ним знакомились и тут же начинали узнавать при следующей встрече. Община скреплялась практически еженедельной трапезой, проходившей после воскресной литургии в одном из помещений при храме, в которой могли участвовать все желающие. Женщины готовили обед, мужчины помогали. Матушка Мария периодически посылала отца Георгия наверх, на второй этаж, где непосредственно над храмом располагалось их жильё, чтобы тот принёс из холодильника соевый соус, кетчуп, водоросли нори, в общем, то, чего не хватало для трапезы. Отец Георгий неизменно радостно поднимался наверх, потом спускался вниз с недоумённым лицом, утверждая,

На Пасху

что в холодильнике ничего не нашёл; тогда, окинув его строгим взглядом, на второй этаж шла уже сама матушка Мария, после чего искомое тут же оказывалось на общем столе.

Несколько раз в год прихожане устраивали в прилегающих к храму помещениях благотворительный базар, целью которого был сбор средств на строительство нового храма. Все, кто мог, несли в церковь ненужные, но хорошие вещи, которые потом распродавались желающим по символическим ценам. Женщины пекли пирожки, готовили огромную кастрюлю с русским борщом, который практически

На строительстве нового храма

невозможно попробовать в Японии из-за отсутствия в стране свёклы.

Здесь-то мне и открылось истинное предназначение горшков со свёклой у входа – именно оттуда брали созревшие корнеплоды на роскошный базарный борщ. Потом свёклу заново засеивали из семян, специально привозимых из России.

Однако самое большое впечатление произвела на меня Пасха 2009 года. Это был первый раз, когда я решилась отстоять всюнощную службу. Подойдя к храму, я заметила невиданное доселе оживление вокруг него. Всё помещение было полно – некоторые даже были вынуждены располагаться на улице. Оказалось, что на Пасху в нагойский храм собираются православные из окрестных городов и префектур, потому что православные храмы в Японии есть далеко не везде. При этом далеко не все собравшиеся были японцами: выяснилось, что именно в этот великий праздник в город Нагоя съезжаются живущие в этом районе Японии иностранцы из православных стран. Кого там только не было! Русские (как ни странно, в меньшинстве), украинцы, белорусы, грузины, сербы, македонцы, греки, даже американцы, канадцы, австралийцы – целый цветник разных народов, языков и лиц. Многие из них были с супругами и ребятами. При входе всем раздавали листы бумаги, на которых на всех

языках было написано: «Христос воскрес!» – «Воистину воскрес!»

Вскоре появился отец Георгий, в этот день особенно нарядный и радостный; глаза его просто светились от счастья. Служба проходила на большом эмоциональном подъёме. Но самое прекрасное случилось в тот момент, когда часы преодолели отметку «12». Присутствующих в церкви охватило идущее откуда-то изнутри ликование. Отец Георгий в тихом счастье, но с неожиданной внутренней силой восклицал по-японски: «Харисутосу фуккацу!» («Христос воскрес!»), а японские православные с той же энергией откликались: «Дзицу-ни фуккацу!» («Воистину воскрес!»). Затем он продолжал, уже по-русски: «Христос воскрес!», а я и те, кто понимал по-русски, внезапно крайне расстрогавшиеся, отвечали: «Воистину воскрес!» Отец Георгий проходил по всему списку языков, написанному на листе, и каждый раз кто-то из присутствующих радостно откликался ему. Это чувство странного, но потрясающе мощного единения мне не приходилось испытывать ранее нигде и никогда.

После торжественного крестного хода вокруг квартала, уже далеко за полночь, присутствующие потихоньку начали расходиться. Многим предстояло ехать десятки, а то и сотни километров, чтобы вернуться домой. Каждому уезжавшему у

дверей вручали маленький кулёчек с крашеным яичком, малюсеньким куличом и набором суси – японских угощений из риса и рыбы. Могу с уверенностью сказать, что в этот момент я чувствовала себя совершенно счастливой.

С этого времени прошло уже почти десять лет. Я ещё много где побывала, встречалась даже с «тайными христианами» – вымирающими потомками первых японских христианских мучеников, защитила диссертацию, написала книгу о японском христианстве. Но до сих пор я с нежностью и признательностью вспоминаю этот маленький православный храм, этих замечательных людей, с которыми меня тогда свела судьба.

Сейчас в Нагои на собранные пожертвования отстроили новый прекрасный храм, привлекавший внимание не только православных города, но и людей, живущих по соседству. В него даже устраивают экскурсии, приобщая японцев к православной культуре. Отец Георгий и матушка Мария были переведены из Нагои в ещё более крупный город – Осаку, где сейчас трудятся над созданием такой же дружной и сплочённой общины, как в Нагои. А мне в России очень часто не хватает этого тепла, этой неподдельной радости и того самого момента настоящего, совершенного счастья. **КФ**

Другие КНИГИ

больше, чем чтение

www.drugieknigi.com

По любым вопросам
вы можете звонить на номер
+7 922 600 1681

ДРУГИЕ КНИГИ – это проект о книгах и обо всём, что с ними связано: о чтении, отзывах, рецензиях, общении.

Мы предлагаем Вам замечательные книги небольших издательств, которые трудно найти на видных местах в книжных супермаркетах.

Наши книги о христианстве, истории религии, философии, психологии, культуре или просто хорошие детские сказки рассчитаны на неспешное и вдумчивое чтение. На тёплый разговор о прочитанном с другом за чашкой чая. Они придут на помощь, когда хочешь подарить что-то важное и значительное. Или напротив – нежное и изящное.

ВКЛАД В ВОЗРОЖДЕНИЕ ТРАДИЦИЙ ХРИСТИАНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ПРОСВЕЩЕНИЯ

Сбор средств на ремонт часовни
в здании Свято-Филаретовского института

<http://c.sfi.ru/>

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

ТЕМА

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Красота будущего есть преображение *настоящего*, но Преображение его, а не уничтожение, преображение здешнего, начавшееся на горе Фавор. Оно начало осуществляться, когда светозарный луч Божественной Славы преобразил, украсил и прославил тело Богочеловека, плоть нашего здешнего дольного мира, соединяясь с ней в её осиянии. Вот почему Красота есть в мире.

В окружающей нас видимой действительности как можно не чувствовать действительности невидимой? Как можно в реальности вещественной не ощущать присутствия реальности не-вещественной? Одна с другой соединены. И красота есть в нашем мире именно потому, что она есть соединение начал противоположных, материального и идеального. С тех же пор, когда Абсолютная Красота явлена была на горе Фавор, Она, Божественная Красота, пусть *сокровенно*, но пребывает в этом ещё не преображённом, но уже Ею *преображаемом* мире.

Из проповеди прот. Всеволода Шпиллера